

Михаил Синягин

СУДЬБА ЦЕНТРОГАЗА

/ Скифия

Михаил Синягин

**Судьба Центрогаза. Сага
о ребятах с нашего двора**

Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ"

2020

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)

Синягин М.

Судьба Центрогаза. Сага о ребятах с нашего двора /
М. Синягин — Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ", 2020

Действие разворачивается в трагическое для страны время «девяностых-нулевых», когда старое потеряно, а новое рождается в муках. Авторское повествование – сплав характерного для поколения «ровесников Победы» насыщенного жизненного опыта и аналитического склада ума.

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)

© Синягин М., 2020
© Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2020

Содержание

Предупреждение	5
Залоговый пролог	6
Дима	17
1. Недавно	17
2. Воспоминания в сновидениях	22
3. Ведьмы	29
4. Гадание	32
5. Любовь пройдет, циклотимия – никогда	34
6. Расход	38
7. Сделка	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Михаил Синягин

Судьба Центрогаза

Сага о ребятах с нашего двора

Какое благо? – колебание умов, ни в чем не твердых..?
Из письма А. С. Грибоедова П. А. Вяземскому

Предупреждение

Все страны, города и села, упомянутые в произведении, а также события и действующие персонажи являются продуктом чистого вымысла, плодом фантазии автора и к реальным странам, городам и селам, а также к реальным людям отношения не имеют. Любые совпадения являются случайными и должны рассматриваться как таковые. Автор сожалеет, если кто-то из читателей узнал себя в показанных персонажах, – он этого не хотел, это случайность, не более того. Тем не менее он заранее приносит свои извинения...

Залоговый пролог

Под сводами обширного судебного зала раздались громовые удары молотка и следом за ними голос судьи:

– Приговор именем Российской Федерации зачитает известнейший поэт Смутьян Безродных.

Встал худощавый человек в черном костюме и с горящим взглядом стал нараспев читать по памяти:

Над Россией веет черный ветер
Грязным смрадом пахнут облака
Всем сегодня предстоит ответить
У кого нечистая рука

Ты горячим сердцем словно Данко
Не осветишь путь отчизны в даль?
Ты в прогнившей голове поганца
Затаил корыстную печаль?

Приговор правдивый и суровый
Пусть примером станет на века
Нечестивую породу скоро смоем
Воли всенародная река...

Огромный зал был разделен на несколько неравных частей: на скамье подсудимых за золотистой решеткой сидели импозантные люди, все как один в приличных костюмах от *Brioni*, золотых хронометрах, туфлях крокодиловой кожи, элегантно причесанные и пахнущие одеколоном *Pasha de Cartier*. Некоторые негромко разговаривали по золотым мобильным телефонам *Vertu*. Один из них, закончив разговор, достал из кармана брюк три золотых яйца с эмалевой картинкой и начал ловко, как цирковой артист, жонглировать ими.

– Ай да Витька, ай да мастер трюков! – раздались вокруг восхищенные голоса. – Молодец, твердо держит позицию!

– Да я могу и всеми пятнадцатью жонглировать, – скромно прошепелявил и потупился седебородый Витька, – да только не захватил сегодня все с собой, дома-то целее будут.

– Сейчас дочитает поэт приговор и станет ясно, будет ли целее дома, – участливо обратился к Витьке сидящий в окружении красавиц-секретарш лысоватый нестарый еще человек. – Может и самих домов не останется?

– Как это не останется!?! – загалдел вокруг знающий народ. – Статью о конфискации не мы ли отменили? Ты, Володька, в своем Норильске совсем от жизни отстал! Ну, хоть у Мишки своего спроси.

Володька бросил свирепый взгляд на высокого худощавого брюнета, но тот этого взгляда совсем не заметил и поэтому никак на него не отреагировал. Вместо этого он спросил у задумчивого и скромного еврея молодых лет:

– Ром, ты ведь спортивный рынок изучал? Скажи, что теперь даст больше отдачи – футбол или баскет?

– Это смотря где: в Америке – баскет, а в Англии – футбол, конечно!

– Спасибо, а то мне как раз командочку предложили, думаю, надо взять!

– О душе, душе надо думать! – встрял в разговор остроносый пожилой гражданин с пронзительным взглядом и волнистой, зачесанной назад шевелюрой, – что вы все спорт да спорт. В церкви, в храмы наши родимые, православные надо вкладываться. Грехи-то церковь нам отпускает, больше некому, нету теперь парткомов!

– О каких грехах ты, Василь Васильич, говоришь? Нету на нас грехов, чистые мы, все у нас по закону. Это вы с Алишером нагрели по молодости, вам и надо отмаливать, а мы при чем?

– Миш, это ты мне про законы толкуешь? А кто и как их принимал? Сколько бабла вы на Охотный занесли? Не поделишься тайной?

Никто никакой тайной делиться не стал, поскольку в этот момент в зал вошла и отвлекла внимание небольшая, но сплоченная группка людей, несущая по центральному проходу транспарант: «Свободу Михаилу Борисовичу».

– Вот еще одного вашего отмазывать пришли, – продолжил неприязненно Василий, – сколько он денег на этих демонстрантов перевел – уму непостижимо! Лучше бы детям, что ли, помог.

Разволновавшийся поэт подошел к апогею своего выступления и пафосно воскликнул:

А теперь пиратам-бюрократам
Самый справедливый приговор:
Что есть силы громынем набатом
И всем миром прокричим: позор!

– Ну, вот, – удовлетворенно заключил судья после того, как стихли унылые аплодисменты. – Теперь, когда приговор мы выслушали, переходим к допросу свидетелей.

– Господа присяжные заседатели! – обратился прокурор к скамье присяжных, на которой на первый взгляд сидело четыреста пятьдесят мужчин и женщин, – с вашей стороны возражений нет?

Возражений не было, народ безмолвствовал словно аутист. Народ дождя.

– На свидетельское место вызывается Анатолий Рыжий! – прокричал судья. – Скажите нам, свидетель, ваше полное имя.

– Анатолий Борисыч Рыжеватых.

– Вы, стало быть, из рыжеватых Борисычей. А какое отношение вы имеете к Борисам Цыну, Цову и особенно Скому? – строго спросил прокурор.

– Все они – мои клиенты по консультациям.

– Минуточку! Вы что, консультируете в чем-то?

– Я консультирую по выпуску фантиков, оприходованию иностранной помощи без помощи Красного Креста и Полумесяца, частично-честной прихватизации незаконной коммунистической собственности, раздроблению промышленных агломератов, продаже их по частям и слиянию для создания наноприбавочной стоимости.

– М-да, – озадаченно сказал судья, – однако! Вы каким свидетелем предпочитаете выступить?

– Я предпочитаю выступить в свою защиту!

Зал заволновался. Из клетки заключенных раздались рыдания, восклицания и даже крики:

– Я же говорил, что он во всем виноват! Цын нам сам сказал на совещании.

– Это Ский его подговорил, а старый алкаш и вывалил принародно. «Россияне, – говорит, – это рыжеватый Борисыч во всем виноват!»

– Фу, какой цинизм! Старого человека алкашом назвали? А если бы вас?

– А меня за что? Я в Америке ложками не бренчал! Биллу суверенитет не продавал! В Ирландии в самолете яйца не отсиживал! Да, по правде говоря, и в Москва-реку с моста не падал!

– Ну и что? Он же русский человек. Это о многом говорит! Он, по-вашему, красное, что ли, должен пить? Бордо бургундское? Что вы из себя гурмана строите? Перестаньте мне пальцы показывать! Не берет его бургундское, слабое оно, жидкое, на французики, на содомитов этих рассчитано, а не на наших медведей!

– Что? Пьян да умен – два угодья в нем?

– От такого слышу!

Благообразный седой адвокат заключенных, отличающийся от прочих огромными природными губищами, подобные которым ни один ботокс не смог бы изготовить, на опаленном опытом лице, распахнул эти губищи как окно в неведомое и попытался урезонить клиентов:

– Господа, не надо шума. По очереди, господа! Не надо перебивать. Ну что вы?! Культура дискуссии, где она?

Другой адвокат, небольшого росточка, в золотистом жилете и цветастой бабочке, картаво обратился к коллеге:

– Да пусть трещат что хотят. Деньги-то у них.

В центре зрительского амфитеатра в окружении просто одетых людей сидел мальчик лет двенадцати и громко плакал. Его утешала мама:

– Не переживай ты так, Димочка! Закончи пока школу, учи английский, а потом мы уедем. Не бойся, ты таким не станешь никогда!

– А как же папа стал?

– Папа, видишь, себе другого нашел. – Она весело улыбнулась в сторону клетки. – Но ругать мы его не станем, пусть сначала за все заплатит, сволочь! – Новая улыбка.

– Мам, я устал и спать хочу.

– Ну и засни, спи, Димочка.

Рыжеватый Борисыч тем временем азартно продолжал свою защиту перед судом.

– Мы добились колоссальных успехов в приватизации! Все украденное большевиками у прошлых владельцев имущество нашло новых хозяев – эффективных собственников! Это ровно то, чего мы хотели добиться, – не проводить же нам, в самом деле, реституцию! Мы же не какая-то там Прибалтика! Государство зато получило огромный доход, заметьте, при этом ровно ничего не деля! Разве это не умная политика?

Прокурор и судья в такт одобрительно кивнули.

– Рубль, как взбесившийся горный козел, – продолжил Борисыч, – скачет против доллара так, что удержу ему нет! Разве это не пример развития рыночной экономики и ее валютного сектора? Ведь если уровни стоят на месте – это стагнация и гибель всего! Мы это уже проходили! А так, на основе нашего рубля, обещаю, мы построим вскоре мировой финансовый центр где-нибудь в районе Пресни – будет ровно как Лондон, это я вам обещаю!

Прокурор и судья в такт одобрительно кивнули.

– Тарифы на газ и электричество выросли до европейского уровня и даже выше! В этом мы обогнали даже американцев. Разве это не успех отечественной промышленности?! Мы можем теперь на основе честной игры конкурировать со всем миром, а не опираться на несправедливое преимущество дешевых ресурсов. Мы испытываем от этого очень глубокое моральное удовлетворение!

– Позор палачу русского народа! – раздался хриплый крик из угла зала.

– Квачкова в президенты! – робко кто-то пискнул в ответ из другого угла.

Оратор не обратил никакого внимания на посторонний шум, а некие вежливые люди немедленно посетили места этих выкриков, и там опять восстановились покой и порядок. Тем временем речь продолжилась.

– Отмечу также цены на бензин, уровень которых также самый высокий в мире, особенно если отнести к зарплатам и пенсиям. Мне могут возразить скептики, что, мол, цены на топливо разгоняют инфляцию, да и не по совести производителям держать внутри нефтяной страны такие цены. Мы, мол, больше всех в мире нефти качаем. До некоторой степени да – разгоняют инфляцию! Но инфляция – это признак развивающейся экономики. А у нас она такая и есть!

Прокурор и судья в такт одобрительно кивнули.

– Что касается внутренних потребителей, которые якобы страдают от высоких цен, то при чем, я вас спрашиваю, здесь совесть? Она ни при чем! У цен совести нет, и никогда не было! И потом, если мы вместо экономики будем заниматься совестью, то все скоро по миру пойдём. Я имею в виду нашу элиту, а про других мне и сказать нечего – кто они мне?

Прокурор и судья в такт одобрительно кивнули.

– Хочу напомнить, кстати, – тут оратор обвел глазами первые ряды у решетки, – что наш антимонопольный комитет регулярно нефтяников штрафует за как бы картельный сговор, но огромные эти штрафы сливает обратно же в госбюджет. Это умнейшее решение! И правда, не на колонки же их возвращать! Таким способом мы и с монополией как бы боремся, и бюджет наполняем. Это все блестящие достижения!

– Господин Рыжеватый, – очнулся от гипноза судья, – уж больно вы путанно объясняете. Какой-то у вас сумбур вместо музыки. Все эти инфляции-корреляции, о чем это вы? Попроще надо, понятнее для народа! Скажите лучше чисто конкретно: где бабки!?

– Вы об этом бухгалтера своего Мудрина спросите, он знает!

– Его мы тоже спросим, а сейчас ваша очередь.

– Деньги в банке!

– Ну вот! Знает ведь, – громко шепнул прокурор на ухо судье. А громко сказал: – теперь нам ясно, куда идти!

Зарешеченные сидельцы все разом зааплодировали, и стали хором провозглашать здравницы вроде: «Слався, Вова, слався, Толя! Мы все рядом, мы все в доле!»

– Путем опроса определенной части нашего общества принято консенсусное решение отпустить вас восвояси. Спускайтесь в зал и продолжайте свою деятельность на наноуровне, что бы это ни значило! – сказал судья и ударил молотком по столу.

Прокурор тем временем изучал сидящих в клетке и вызвал, после ухода Борисыча, очередного свидетеля.

– Ваша фамилия?

– Ёксельберг.

– Откуда приходите?

– Мы по портняжному делу специализируемся.

– А отчего же такая фамилия благородная?

– Это было еще до Рождества Христова. Мои предки, говорят, трудились в храме, который впоследствии был разрушен итальянской мафией, а прозвище осталось.

– По финансам, значит, работаете?

– Не только: алюминий, нефтянка, химией немножко балуемся.

– А также недвижимостью в центре Москвы, – крикнул из центра зала некий крикун, – его об этом порасспросите, господин прокурор!

– Действительно, – охотно откликнулся на безобразное предложение прокурор, – поясните нам, что это за история такая? Какая-то сумма в газетах мелькала, пятьдесят миллионов то ли долларов, то ли евро?

– Эх, что вы все про деньги да про деньги!? Деньги – они ведь не цель, деньги – это средство! А средства нам всегда нужны. По зданию все законно было оформлено, а в бюджет я как-то ранее, по простоте душевной, налогов переплатил, вот мне и компенсировали.

– А почему же тогда ваш партнер по этой сделке был недавно осужден европейским судом и посажен на восемь лет в одиночную камеру?

– Чего не знаю – того не знаю. Говорите, он сам попросился в одиночку? Чего-то опасается? И не скучно ему? Иногда трудно понять людей! А восемь лет ему дали негуманные судьи, в Европе много формалистов. Кажется, за кражу двух пылесосов из этого здания, правда, очень дорогих, американских.

– Ага, понятно – куда ни глянь, опять Америка. Прямо заколебала нас! Мне кажется, в наше время такое объяснение вполне приемлемо и может быть акцептовано обществом наверху, – заявил судья. – Каковы ваши планы на будущее, господин хороший?

– Охотно отвечу, поскольку конкуренции совершенно не боюсь. Лично я рассчитываю стать постоянным членом Президиума.

– В какой именно желаете? – спросил судья.

– В любой, куда назначат! Как раз на это и назначены упомянутые долги бюджета. А компания моя нынче более склонна заняться наукой – нива эта благодатная, но захлавлена, как сорняками, долгоживущими обломками прошлого. Там полно земли и имущества, которые им совершенно не нужны, да и не по карману. Я, знаете ли, и хозяйство свое начинал с обрезания лишнего оборудования по всей Сибири. Резал все подряд! Как вспомнишь... – Ёксельберг задумчиво улыбнулся. – Меня еще Мишка Дорковский ругал, что я у него будто несколько скважин работающих срезал. Но тут уж принцип на принцип: у него нефть, а у меня металлолом! Так что же мне теперь перед заумными дедушками тормозить? Ха-ха! Имущество не терпит пустоты, оно ждет хозяина!

– Предлагаю поручить Ёксельбергу создание президиума научного центра неподалеку от центра. Ну, чтобы рукой было подать! На бензине станем экономить! – воскликнул гордый собой судья. Зал одобрительно зашумел и захлопал. «Выделить ему триллионы рублей!» – неслись веселые голоса из-за решетки.

– Теперь обратимся к международным делам, – заявил прокурор, – на свидетельское место вызывается мистер Джон Ланкастер Бек.

– Что-то мне ваша фамилия как будто знакома, вы из каких Ланкастеров будете, английских или афроамериканских? – обратился судья к подошедшему к трибуне человеку в темных очках и перчатках.

– Я буду из фотографов, не из киношников. Я давно в Россия работать. Еще до перестройка. Я был друг Володя Высоцкий.

– Вы были бойцом холодной войны?

– Я быть труженик контрпропаганда. Постоянно щелкал инфракрасный объектив.

– Понятно, дела давно минувших дней! Искажали нашу реальность! Вы сейчас безработный? Вам известно, что теперь у нас холодной войны нет, теперь у нас холодный мир? Что вы скажете по существу дела?

– Я как знаток Россия и Америка был в правительство консультант по приватизация.

– В каком правительстве?

– Во всех правительствах.

– А что, по-вашему, в России было что приватизировать?

– Сначала я сам не верил, потому как микропенка все сильно искажал и уменьшал, а после перестройка мой товарищ Епифан посоветовать смотреть заново! И я увидеть, что есть, есть что приватизировать. Много было приватизировать.

– Например? – строго спросил прокурор.

– Нефтянка – это номер один! Затем...

– Какая у вас связь с рыжеватым Борисычем? – перебил Джона судья.

– По нефтянка?

– Нет, вообще по приватизации?

– Я его учить фантики печатать и народ раздавать.

На этих словах публика в зале заулюлюкала, а сидящие за решеткой заплодировали и опять стали восклицать свои обычные здравицы.

– Я так и знал! Борисыч сам бы нипочем не догадался такую штуку учинить, – отнесся Юрий Ужков к жирноватой леди, сидевшей в первом ряду за решеткой подле него, устроившегося в зале. – Ты, Елена, молодец, хорошо использовала потенциал такой, казалось бы, заурядной бумажки.

– Куда ж мне без твоего чуткого руководства, ватрушечка ты моя! – тепло сказала Ебатурина мужу. – Мы бабы темные, только топать можем. Куда прикажут – туда и топаем!

Ужков от этих ласковых слов ощутил себя маленьким мальчиком, не отягощенным воспоминаниями о продолжительной воровской карьере, и радостно засмеялся.

– С иностранцами у нас вечно проблемы, – посмотрел строго на Джона прокурор, – но вы, судя по вашим же словам, довольно полезный член общества. Какие еще проблемы вы решали в нашей счастливой стране?

– Я два еще проблема помогал решать. Один проблем был кредит от МВФ. Я говорил в американское правительство, что друзья надо помогать финансы. Без награды подвиг не сделают! Я ясно выразаться?

– Куда яснее! – крикнул Ужков. – Нет здесь никого, кто бы руки не погрел на этом кредите. Правильно, Ленка, я говорю?

– А второй проблем – я вас в ВТО просил принять!

– Вот тут ты, Джон, промашку дал, надо тебя за это осудить, – опять крикнул с места Ужков. – Загубит нас эта ВТО, как пить дать! Вот увидите скоро! Видит Бог, превратите вы нас в сырьевую колонию!

– Прошу с места не восклицать неуместных вещей, господин Ужков! – сурово нахмутив бровки, проговорил судья. – Какую еще колонию? Колониализм безвозвратно покинул историческую сцену! Канул в Лету! Не надо искажать предстоящее нам будущее! Вас сюда вызовут, если будет необходимость оказать вам доверие, обождите пока в зале.

– Хорошо, мистер Бек, – заключил прокурор, – ваш богатый практический опыт поможет в нашей борьбе за лучшую жизнь. Пройдите в зал.

– Нам постоянно поступают записки из зала, – продолжил теперь судья, – это, видимо, такая форма обратной связи с народом. Мы будем на них отвечать по мере поступления. Ну вот, предлагаю ознакомиться, – судья взял со стола верхнюю бумажку и зачитал:

Димочка, дорогой! Не забудь организовать свою фракцию по третьему пункту ПД голосовать «против», а по седьмому «за». За деньги не волнуйся. Люблю тебя. Твой Костик.

В зале и за решеткой раздались аплодисменты.

– Какое отношение к политическому будущему страны имеет эта записка? – возмущенно возопил прокурор.

– Самое прямое! – ответил громко все тот же незатихающий крикун из зала, – демолиберасты рулят!

– Попрошу без грубых обобщений. Очевидно, нам попала записка личного свойства, к делам государства не относящаяся. Прискорбно, но такое бывает. Господин судья, передайте записку во фракцию по принадлежности. А вот, кстати, и сам председатель фракции Влад Юристович нарисовался! Попрошу вас, любезный, на трибуну!

– Я бы этих несчастных америкосов всех обратно в Америку отправил! – с места в карьер пролаял Влад Юристович, пряча переданную записку в карман, – от них толку еще меньше, чем от коммунистов.

В левом углу зала раздались свистки и крики: «Позор! Позор демо-либерастам – продажным трансвеститам империализма!». Остальной зал неодобрительно загудел, а люди за решеткой все как один звонко и понимающе рассмеялись.

– Ему американцы визы не дают, он у них там из коррупционеров под номером один числится, вот он их и ненавидит! – тихонько шепнул Ужков жене. – Психа из себя умело строит, но если надо, и деньгами конкретно пахнет, он совершенно нормальный человек. Деньги свои, кстати, в арабских банках держит.

– Практичный еврейчик, – дала свою оценку жена, – предсказуемый, это хорошо.

Тем временем Влад Юристович, громогласно обвинив по привычке американцев и прочих нерусских в попытках наводнить собой Россию, неожиданно завел новую песню о разграблении России и даже острых попытках неокOLONиализма, чем насторожил судью. Тот сказал:

– К чему повторяться, Влад Юристович, мы историческую оценку этим явлениям уже дали. Это все отработанный материал. Держитесь оговоренных рамок, пожалуйста!

Влад Юристович, будто пришпоренный, резко изменил курс дискуссии.

– Разве может наша партия безучастно смотреть на коррупцию в этом городе?!

– Что такое? – насторожилась Елена.

Юрий Ужков озадаченно крякнул, потер пухлые щеки кулачками и печально сказал:

– Недоплатил я ему, как есть, недоплатил! Вот он и намекает про «безучастно». Ключевое слово! Типа, он не при делах! Но кто же знал? А с той стороны такие ресурсы. Один Газпром чего стоит!

– Надоело народу смотреть на, – тут Юристович заглянул в бумажку, – пробки, обманутых дольщиков, родственные связи!

– Есть мнение, что у кольцевой дороги ukrала семейка по десять сантиметров с каждой стороны, – подкинул недоказуемое обвинение развязный крикун, – помножьте на сто десять километров и на глубину! Сколько вилл в одной Австрии можно построить?

– Зачем нам Австрия, – заворчали за решеткой, – это пройденный этап, мы потеплее места любим.

– Юрий Михайлович, – отнесся к Ужкову судья, – поясните нам ситуацию с кольцевой дорогой. Что это за казус вам приписывают? Или это правда?

– Казуса никакого нет, – ответил с места Ужков. – Просто по закону положено вознаграждение изобретателям, вот мы его и получили. А сантиметры все на месте.

– Любопытно, – заинтересовался прокурор, – а в чем изобретение-то состоит? Чем оно, например, полезно?

– Дороги обычно строят прямыми. Допустим, от Москвы до Питера дорога прямая, я понятно объясняю?

– Пока все понятно.

– А мы изобрели кольцевую дорогу в форме круга. По ней можно ездить бесконечно, а не так, чтобы из Москвы в Питер. Вот в этом ее польза и состоит!

– Ну и как, получилось внедрение?

– Конечно, получилось. Еще бы! Все акты подписаны. И мы получили. Хватило, чтобы в Австрии отель отгрохать. Ну, в Турции еще, под другим именем, правда...

– Не устает колотиться в нашем талантливом народе изобретательская жилка, – горделиво проявил историческую эрудицию судья, – не зря предсказывал Михайло Ломоносов, что «быстрых разумом Невтонов» готова русская земля рождать! Вот и нарожала! Ну чем не Невтон?!

– Вы про родственные связи подробнее изложите, – продолжал верещать на трибуне Влад Юристович, – говорят, жена ваша мощно вас использует в коммерческих целях. Братец ее опять же совсем отвязался!

– Все врут! – твердо заявил Ужков. – Провокаторы и завистники! Я работающий человек, практически нищий. Посмотрите мою декларацию! Из машин имею только «еврейский броневик» типа «Запорожец». Антикварный, 1963 года выпуска. Садовую тачку и участок в шесть сотых гектара. А жена у меня очень способная, нечего мне скрывать, всего она своим трудом добывается. Сам удивляюсь, как все успевает? Брал-то ее только подмести-погладить, а вот смотри-ка! Вообще у многих здесь жены на редкость способные!

– Землю под посольства почему вы ей передали? – не уставал гнусить Влад Юристович.

– А кто ты такой, чтобы меня спрашивать!? Ты сам сколько ты квартир по Москве скупил? Думаешь, я учет не веду? Шалишь! Вот ты у меня где! – Ужков вынул из кармана какой-то блокнот и потряс им в воздухе. – А копия в надежном месте!

– Ну, все! Все! Прекратите переходить на личности, не для того мы все сегодня собрались! – гаркнул прокурор. – Попрошу на свидетельское место господина из центра зала, который, по нашим сведениям, правду по стране ищет.

– Это вы меня? – спросил давешний крикун.

– Вас, вас! Кого же еще? – поддержал прокурора судья. – Идите сюда. Как ваша фамилия будет?

– Овальный.

– Новое дело! Это что же, фамилия такая? Помнится, артист некий был с фамилией Круглый, а вы, значит, Овальный. Вы сами, часом, не артист?

– Вся жизнь – театр!

– Свежо! Оригинально! Вы сами это придумали? – Овальный при этих словах смутился и потупился. – Впрочем, это неважно. А важное состоит в том, гражданин Овальный, что дело на вас уже сшили. Дело чудесное – просто пальчики оближешь – годится на все случаи жизни! – заключил судья.

– Дела вы кое-как лепить уже научились, да только плохо у вас с процедурой! Почему же в процессе нет защитника? Только судья и прокурор? Вы хоть на вид и образованные люди, да далеко вам до товарища Сталина – корифея юриспруденции! – начал по привычке ерничать Овальный.

– Это вы что ли в защитники лезете? – иронично спросил прокурор.

– Не поминайте имя вождя всуе! – прорычал слева кумачовый руководитель комфракции Юганов. – Поплатитесь вы за это!

– Да плевать мне на вашего вождя, а русский народ за все уже расплатился! – крикнул в зал Овальный.

Не успел он это докричать, как пол под фракцией коммунистов заходил ходуном и в одно мгновение разломился со страшным треском. В зал повалили желтые пары вонючей серы, с потолка громыхнула небольшая молния, и оторопевшая публика явственно увидела, как на поверхность выскочил постаревший, но еще крепкий гроб. В кромешной тишине было слышно, как из крышки сами собой, как металлические черные пиявки, вылезают гвозди и один за другим падают на пол. Вот выпал последний, и крышка сдвинулась и с глухим стуком упала рядом. Во фракции коммунистов сверкнул яркий разряд и тут же из гроба поднялся сухошавый товарищ в маршальском мундире, но без фуражки. Покряхтывая, он встал рядом с гробом и тщетно попытался стряхнуть с мундира накопившуюся пыль веков. Был ясно слышен скрип и хруст в суставах. Маршал пытался сказать что-то, но губы его спеклись и не открывались.

– Дайте воды товарищу Сталину! – истерически крикнул кто-то из коммунистов.

– Ни в коем случае! – прозвучал из верхних сфер проникновенный бас профессора Збарского, – дайте ему стакан формальдегиду!

Из белой канистры налили желтоватой жидкости, и по залу разлился густой запах проекторской. Товарищ Сталин пригубил стакан и залпом выпил. Тут же глаза его заблестели молодым блеском, а в суставах прекратился скрип.

– А нэплохой напиток, товарищи! Как он мне напомнил мой любимый кахэтинский сок! И цветом, и по вкусу похож. Живая вода! Спасибо товарищу Збарскому!

Оторопь, поразившая всех в первое мгновение, стала постепенно спадать, особенно с судьи и прокурора. Они опомнились первыми и догадались, что вождь гальванизирован с помощью временного провода, проведенного из фракции коммунистов.

– Отключить немедленно весь свет в зале, – скомандовал ответственному лицу по телефону прокурор.

Свет погас. Осталось только слабое аварийное аккумуляторное освещение. Движение вождя прервалось. Но не прошло и десяти секунд, как во фракции взвыл движок генератора и фигура вновь ожила.

– Большевиков на простой рубильник не возьмешь! Аршином общим не измеришь! – гордо потер усы Сталин. – Годы подпольной борьбы приучили нас надеяться только на себя. А вы, я вижу, – отнесся вождь отдельно к судье и прокурору, – и дерьма сами сделать не можете!? Придется нам всем тут вместе разбираться, что вы натворили со вверенной вам страной!

– Колхозы развалили, а недра и заводы безродным космополитам за бесценку распродали! – наябедничал с места Юганов. Вождь нахмурился:

– Продолжайте, товарищ Юганов. – С этими словами вождь с лукавой улыбкой посмотрел в зал. От этого взгляда многие буквально вмерзли в свои кресла, поскольку вспомнили такой же прищур на знаменитом «съезде победителей». Тот, на котором вождь «в шутку» прицеливался в делегатов.

– Мы сражаемся за дело пролетариата, товарищ Сталин, не жалея ни сил, ни народных средств! По любому вопросу у нас есть интересная программа и исполнители! Мы почти уже коммунизм построили! Эх, кабы не меченый этот казачок!.. Как же нам не хватает вашей твердой большевистской руки!

– Да какие вы большевики?! – возмутился Сталин. – Хари как у кабанов отрасли! Коммунизм, говорите? А домов за границей кто накупил?! А где у вас пролетариат? У вас таджики вместо пролетариата работают! Перерожденцы! Буржуазное охвостье, социал-демократишки, как сказал бы Ильич. Остроумный был товарищ, с ходу так и не поймешь, что у него половины мозга не было! Уж потом обнаружили... Но силен был революционер! Нет, не чета вам – нынешним! Лежит теперь в почете, как фараон. – с некоторой долей пролетарской зависти заключил вождь.

Реакция в зале была смешанной: кто-то радостно восклицал «наконец-то!», кто-то свистел и вопил «долой!», мама укрыла маленького Димочку шалью, чтобы он не проснулся, а кто-то мрачно молчал, соображая, куда бежать.

– Правильно, товарищ Сталин, – крикнул Овальный, – пехтингом их, пехтингом!

– А вы помолчите там, – грозно нахмурился вождь, – не перебивайте, вас отдельно спросят! Какие же вы коммунисты? – обратился Сталин опять в левую сторону. – Где посадки, где репрессии? Где расстрелы и ночные допросы? Где трудовые лагеря и шарашки? Где колхозы, наконец? Все прошляпили, все разорили! Нельзя на вас положиться. Осталась во всем мире только пара верных марксистов-ленинцев, да и те иностранцы! Этот самый Ким с сынком, да еще один, как его? – Сталин нетерпеливо пощелкал пальцами, – выскочила из головы, трудовая такая фамилия. Черт, как его?

– Пол Пот? – пискнул из угла эрудит Влад Юристович.

– Точно, он! Вспомнил! – Сталин обрадовался, – именно этот товарищ верным путем идет!

В возникшей тишине слышен был только слабый рокот генератора.

– Что-то вождь как бы не по сценарию текстует, – вполголоса озабоченно сказал Юганов соратнику, – может, отключить генератор?

Однако сделать этого не успели.

– Господин! Нет, дорогой *товарищ* Сталин! – воскликнул опять выскочивший вперед Влад Юристович, – наша партия – самая революционная! Наша партия всегда поддерживала политику сильной руки, которую вы, как выдающийся менеджер, всегда проводили в жизнь!

– О какой политике толкует этот безродный космополит? – прохрипел оторопевший вождь. – Каким мерзким словом он осмелился меня обозвать?

– Мы всегда поддерживали линию партии и правительства, независимо, кто приходился у власти, – сильно оробев, прошептал Влад Юристович.

– А я слышал в кулуарах, что вы регулярно поносите компартию последними словами? Как вы это объясните?

– Это просто элемент маскировки, разве вам не донесли об этой договоренности?

– Если и была такая договоренность, то вы ее нагло нарушили! Ваша маска так прилипла, что ее уже от лица не оторвешь! Касается вас лично: болтунам не место на оперативной работе! Партия ваша прямо по Марксу – фарс какой-то! Вы, как червяк, сожрали плод изнутри! Вы своей словесной пеной прикрываете разграбление страны! Посмотрите, кто сидит в этой клетке? Это все ваши клиенты!

На своей скамейке всполошился губастый адвокат, он поднялся с места и, патетически протянув руку в сторону президиума, воскликнул:

– Доколе мы еще будем терпеть в зале эти обломки прошлого и хранить в нашем шкафу пронафталиненные скелеты?! Заключите обратно в ящик этого эффективного менеджера, иначе он так нами управит, что мало здесь никому не покажется!

Коммунисты на своей скамье ехидно и антисемитски засмеялись. Остальные присяжные подавленно молчали.

Тут встрял маленький картавый адвокат в золотом жилете и примирительно сказал:

– Господин генералиссимус! Зря вы так на наших клиентов ополчились. Они же ведь кровь от крови, плоть от плоти, грязь от грязи от вас, от большевиков. Они же вам как родные! Вспомните, как вы с фараоном, извините, с товарищем Лениным, украли всю страну? Телеграф, заводы, пароходы! Банки, недра, экономику! И наши клиенты такие же! Да плевать, что они себя либералами называют, это термин такой для прикрытия свободы рук! Большевики себя ведь тоже слугами народа называли? А где теперь тот народ?!

– Вы что же?! Либералом меня считаете?! – оскорбился Сталин. – Вам это с рук не сойдет!

– Да не вас либералом, а либералов большевиками! Разве это не очевидно?

Сталин, видимо, совсем запутавшись в терминах, потеряв терпение, вскипел, набрал в рот побольше слюны и плюнул в направлении клетки. Плевков был настолько объем и быстр, что совершенно накрыл золотую клетку и всех там сидящих. Липкая субстанция зацепила и некоторых других персонажей, находящихся поблизости, а именно Влада Юристовича, который забился в ней как муха в сиропе, но скоро полностью растворился и стек под пол. Такая же участь постигла и остальных сидельцев, только сама клетка, да и некоторые настоящие драгоценности остались целы – известно, что золото инертный металл и выдерживает почти любой химикат.

Жидкость, оставшаяся на полу, источала отнюдь не фимиам. Яйца Фаберже лежали на полу, обретя наконец свободу, и радостно поблескивали боками, предвкушая скорое соединение с дюжиной своих собратьев.

– Так будет с каждым, кто усомнится в нашем пути в коммунизм! – воскликнул Сталин. – Мы проведем это решением полит... – тут вождь осекся и повалился на подкосившихся ногах, обмяк на пол и стал быстро покрываться трупными пятнами.

– Ему теперь не выжить, – раздались убежденные голоса в зале. – Весь химикат на этих поганцев перевел. Пожертвовал собой на благо родины!

Ужков, ловко увернувшийся от химической атаки, на нервной почве от утраты супруги, а может и из-за неожиданно свалившегося на него наследства, потерял адекватность и восхищенно аплодировал.

– Я не виноват! – прокричал вскочивший на ноги меднолицый Юганов, – он сам так придумал! Видит Бог, я тут ни при чем! – осенил себя крестным знаменем коммунист. – Дима! Ну, хоть ты им скажи устами младенца, что я не виноват! – Юганов подбежал к спящему мальчику и потряс его за плечо, – Дима! Дима! Ты меня слышишь?

Дима с трудом протер глаза и сел на кровати, находясь еще во власти приснившегося ему кошмара.

– Дима! Дима! Проснись, что с тобой? – тряс его за плечо обеспокоенный отец...

Дима

*В залитованных, но странных
Никому не нужных песнях
Мы поем о чем-то вместе
Неприятно и туманно...*

1. Недавно

Казалось, совсем недавно страна стояла незыблемо и солидно, как Антарктида под своим ледяным панцирем, но как быстро поменялась жизнь!? Отваливались целые глыбы, звенела капель, стремились ручки. Или не льды это были, а отмерзшие в северных лагерях слезы народа?

В прежнее, дореформенное то есть, время линия жизни Димы Григорьева, казалось, шла вверх под крутым углом к горизонту. Успешно трудился он на внешней ниве, заключал сделки, грузил товары, крупных ошибок не совершал, поскольку всегда советовался со старшими товарищами и перекладывал ответственность на них. Не пренебрегал он и советами мудрого папаши.

Уже и в партию ему те же старшие товарищи намекали, так, пока в коридоре. Обсуждали общественную нагрузку. А за вступлением в ряды, если кто помнит, следовал скачок в карьере. Дима наматывал прозрачные намеки на ус – стал осмотрительней. Стал обдумывать, какую бы нагрузку общественную взять – полегче, но позаметнее. С иностранцами посторонних, неслужебных связей не заводил – на этот счет опытный его отец специально предупредил. Среди своих тоже трепа бестолкового, диссидентского не заводил и не поощрял. Как только начиналось в курилке что-то сомнительное, тотчас он отвлекался от разговора и уходил.

Но тут – трах, бах! Началась перестройка! Всех застала врасплох!

Какая теперь – к черту ее скорее послать – партия! Зачем она? Там же одни глупцы, негодяи проклятые собрались и карьеристы! Ничего у них святого нету – они и церковь родимую нашу чуть не погубили! Сами отоваривались в распределителях да по «Березкам», а нас в очередях морили! Сами все по заграницам – а мы тут мрем без товара!

Кончалась советская власть, и с этим надо было что-то делать. Оболочка пока оставалась, но содержание уже не пугало. Спасать советскую власть от нее самой в планы Дмитрия не входило. Он, по большей части, беспокоился о собственной судьбе. Очень Дима перепугался. Зашатался сам фундамент, а с ним и каркас того сооружения, в которое он стремился вписать свою жизнь.

Фимиами демократии начинали уже курить повсюду. Всякий чиновник в душе относился к ней подозрительно, справедливо опасаясь подвоха. Но и от советской власти уже ждать чего-нибудь приличного в скором будущем не приходилось...

Жизнь в этой стране, где никто ни в ком не был уверен, более того, чем меньше ты знал, тем безопаснее себя чувствовал, представлялась Диме удивительной, но единственно возможной. Подчиняясь неведомым мужским инстинктам, он интересовался политикой, хотя, объективно говоря, интересоваться ею смысла не было никакого – правды было не узнать, а повлиять на события не представлялось возможным. Будь ты хоть трижды партийным! Со студенческой скамьи Дима, не без добровольной помощи преподавателя «научного коммунизма», научился читать советские газеты между строк, но то, что он между этих строк вычитывал, было обычно не менее отвратительно, чем в самих строках.

И вот, после начала перестройки, заметил Дима, что-то похожее на правду стало появляться на газетных страницах. Дальше – больше. Бывало, он даже отказывался верить в смелые тексты, напечатанные черным по белому. Он даже вырезал из газет эти проявления гласности и пытался сохранить их как документы «эпохи». Впоследствии эти вырезки, конечно, пропали за ненадобностью, поскольку страна просто потонула в потоках гласности и демократии.

Ужас, который с утра до вечера сопровождал работу внешнеторговой организации, начал едва заметно ослабевать. Скоро это стало заметно многим. Уже стали пока еще робко восстанавливаться на работе те, которые были безжалостно вырезаны из полотна государственной деятельности за прегрешения при прежних порядках. Не успели люди оглянуться, а ужас уже перешел в простой страх, потом и страх превратился во всего лишь привычную опаску. Опасаться, правда, стали уже не прямого административного удара, а служебной конкуренции или предательства близкого партнера.

Одновременно он отметил, что насыщенность фирмы персоналом с погонями под пиджаком явно падала. Протокольный отдел, в котором и гнездились по большей части эти зоркие люди, ослабил хватку, стал требовать меньше отчетов. Поэтому сладкий поначалу запах свободы очень скоро стал таким приторным, что напоминал запах разложения оставленного на жаре мертвого тела.

Внешнеторговую организацию его, а торговала она всякой химией и нефтепродуктами, стало основательно трясти по экономическим причинам. Прикрепленные к ней ранее заводы, вернее сказать, их директора, быстро расчувствовали всю прелесть независимости от государства. Находили они западных торговцев, тех же самых, с которыми торговал Дима, заводили с ними прямые связи. Заводили, по совету тех же торговцев, доверчивые люди на далеких островах оффшорные компании и сливали туда разницу в цене. На налоги для родного государства предпочитали не тратиться – оставляли ему суцую безделицу. В городах своих делали они торговые дома и фирмы, которые, правильно мыслите, возглавили их родные детки. Ну, какие могли быть после этого обороты у внешнеторговой фирмы? Убытки одни!

Но не сразу все так резко обломилось. Кое-какая инерция имелась, и Дима, надо отдать ему должное, умело ею воспользовался. Он подумал так: «Вот моя контора имеет пятьдесят долларов с тонны параксилола, а если она будет сорок иметь, кто-нибудь это заметит?» Он оглянулся по сторонам и обнаружил, что никого нет, никто не заметит. Куда-то подевались надзиратели и охранители государевых денег. Ушли все, примкнули, видимо, к кооператорам.

Так получил Дима свои первые десять тысяч зеленю. Привез ему их в чемодане иностранный друг-партнер Питер Хардспун. Дима, когда принимал под ресторанным столом пакет, почувствовал легкое смущение, но, глядя в бесстыжие глаза партнера и слушая его циничные речи, запросто это смущение преодолел и уже более к нему не возвращался.

Кроме параксилола существует и другая химия. Например, пластмассы или каучук. Или, допустим, бензол. Дима неплохо знал конъюнктуру цен на все эти товары и при прочих равных условиях спокойно торговал с теми, которые правильно понимали его устремления.

Тут-то он, находясь на самом взлете, и женился. На свое горе.

Теперь уж поздно об этом говорить, но одолела его в тот момент гордыня. Уже лежала в чемодане первая сотня тысяч зеленых и прямо-таки настоятельно требовала как-то себя проявить. Обладание такой, как ему тогда казалось, значительной суммой повысило комфортность восприятия окружающей невеселой действительности и придало ему вес в собственных глазах. «Ничем я не хуже других», – решил Дима и купил сразу две машины. Взял он пятилетний «Пассат» и в компанию к нему красавицу-итальянку – почти новую представительскую «Лянчу».

На «Пассате» он прибывал в офис, мытьем машину не баловал. Словом, выглядел как обычный русский пролетарий.

«Лянчу» же он полюбил почти как женщину. Покупал ей подарки. Одним из первых была «ракушка». Про косметику не стоит и упоминать. Не зря фирмы рекламируют омолаживающий эффект – «Лянча», казалось, молодела после каждой мойки. По выходным он выезжал на ней для встреч с прекрасным. Прекрасное, по большей части, разгуливало по тротуару и подразумевало противоположный пол.

Познакомился он с Яной на дороге – у нее спустило колесо. Ну, понятное дело, не у нее самой, а у ее машины. Черт знает, какие острые предметы могут валяться на дороге!

«Вот так нога под ней!» – про себя восхитился Дима, когда увидел у обочины, рядом с «восьмеркой» девушку, поднявшую в поисках помощи изящную лапку. Дима в этот момент плавно рассекал на «Лянче» пространство недалеко от тротуара.

«Ого! Да у нее и глаза! И вообще телка в порядке!» – Дима решил остановиться.

Едва он вылез из машины, Яна, а это была именно она, подошла к нему, излучая буквально тонны обаяния.

– Вы мне можете? – веселые голубые глаза смотрели искренне, шикарная, простодушная улыбка обнажила ровные, ухоженные зубы.

– Не вопрос! – воскликнул Дима, немедленно заразившись от нее такой же веселостью. – А что случилось?

– Не знаю! Колесо, наверное, лопнуло! – Яна с восхищением обозрела Димин автомобиль. – Вы можете?

– Не вопрос! Запаска, домкрат у вас есть?

– Не знаю, а что это такое?

Диму тронула такая техническая безграмотность. Он расценил ее как истинное проявление женственности. Он посмотрел на Яну с удовольствием и протянул руку за ключами:

– Сейчас посмотрим!

Ну, натурально, нужных предметов в багажнике не оказалось. Пришлось Диме доставать свой домкрат, снимать колесо и везти его в ближайший шиномонтаж. Яну он, понятно, взял с собой – не бросать же красавицу на дороге. После того как он положил сдутое колесо в свой багажник, ему почудилось, что он уже обладает какой-то частичной собственностью на эту девушку. А свою собственность он не привык бросать на дороге.

После того как все технические манипуляции были проделаны и торжественно завершены водружением колеса на Янину машину, выяснилось, что у этой парочки очень много общего. Ну, например, Яна обожала французский язык и вообще Францию. Дима считал, что английский язык для бизнеса ему полезнее, но уважал выбор девушки и его одобрил. Что же касается Франции, Дима, хоть сам там никогда не был, но много слышал о ней от отца, который считал, что Франция – очень хороша, но без французов была бы еще лучше. Вслух он этого не сказал, боясь обидеть девушку.

Когда позднее они сидели в недорогом ресторане и продолжали взаимное изучение, Яна проявила чудеса искренности и объявила Диме о своем возрасте. Дима решил, что она еще вполне молода. Далее Яна, пользуясь все той же привычкой к искренности, сообщила ему, что любит Францию, потому что несколько лет прожила с французом. Жила она с ним и в Москве, и во Франции, конкретно в Марселе. Потом они расстались.

– Чудесный город, – заметил одобрительно Дима, который, что понятно, в Марселе никогда не бывал, но ему хотелось понравиться красавице. Диме хотел было спросить о причинах расставания, но он побоялся налететь на еще более искренний ответ, поэтому сдержался. Однако он был настолько очарован и покорен откровенностью Яны, что даже чуть было сам не начал рассказывать о своих влюбленностях и романах, но вовремя остановился. «Что девчонке хорошо – парню смерть!» – вспомнилась к месту искаженная цитата из классика.

Но Яна тут же сама призналась, что с французом они просто не сошлись характерами, тот оказался нудным деспотом. Виновато в этом, видимо, было его частично африканское про-

исхождение. Нет, нет! Он не был уж совсем черным, как, допустим, свежий асфальт, просто сильно смуглый, с таким, что ли, вечным загаром. Мулат, короче. В Москве он работал какое-то время в представительстве торговой фирмы, потом его попросили вернуться в Марсель. Ну, Марсель, на ее вкус, не особенно красив, порт – он и есть порт... Вообще ей нравится теплый климат и море, но человеческие отношения важнее.

«Как правильно! Как правильно! Конечно, отношения важнее!» – восклицал про себя Дима и кивал согласно головой. Он все больше подпадал под обаяние этой необычайной женщины и был готов услышать от нее все что угодно, даже про любимого негра, причем без всякой критики.

Далее выяснилось, что Яна очень любит анекдоты, но совершенно их не запоминает, так что ей можно рассказывать их практически непрерывно. То есть всякий раз один и тот же. Посмеялись. Дима понял, что от него требуется анекдот, поскольку разговор постепенно заходил в фазу, когда общие темы оказывались исчерпанными. Диме, может, и интересно было бы поговорить о футболе, да только сомнительно, чтобы Яне интересно было это слушать. Словом, нужна была разрядка.

Дима память на анекдоты имел неважную, но у него были несколько дежурных, на разные жизненные ситуации. С еврейским или эротическим, которых он знал немало, Дима решил повременить, и рассказал такой:

«До войны в Америке были запрещены аборты. Но, как часто бывает, одна хорошая девушка забеременела от хорошего мальчика, однако жениться они не могли по причине разного экономического положения. Что делать?»

Пошла девушка к семейному доктору, открылась ему. Попросила держать все в тайне и сделать ей аборт.

– Дейзи, послушай, дорогая, – говорит врач, – аборт – опасная штука! Мало того что противозаконная, но ты за него можешь поплатиться бесплодием. Никто заранее не скажет, как все закончится. Давай поступим по-другому?

– Как? – спрашивает Дейзи.

– Ты выносишь этого ребенка. Я так сделаю, что родители твои ничего не заподозрят. А как подойдет время рожать, я положу тебя в клинику, а младенца подложу какой-нибудь роженице, скажу, что, мол, у нее двойня.

Так они и решили.

Прошли положенные месяцы, ребенок появился благополучно на свет. Да вот незадача! Не было ни одной роженицы в этот день у доктора в клинике. Один только пожилой священник с аденомой простаты.

Делать нечего. Приносит доктор священнику мальчика и объясняет ему:

– Святой отец, какое счастье! Мы-то думали, что у вас опухоль простаты! Ничего подобного! Оказывается, вы просто были беременны! Вот ваш сын!

Ничего не сказал священник, только подумал: «Чудны дела твои, Господи!», перекрестился, забрал конверт с мальчиком и уехал в свой приход.

Прошло лет двадцать. Умирает старый священник, зовет к смертному одру сына и говорит ему:

– Джон, сынок! Хочу перед смертью открыть тебе нашу семейную тайну. Ты ведь всю жизнь думал, что я твой отец?

– Да, папа!

– Извини меня, старика, но это не так! На самом деле я – твоя мать! А отец твой – наш епископ!»

Анекдот Яну не рассмешил. Вместо смеха она посмотрела на Диму сверкающими от близких слез пронзительными голубыми глазами и печально сказала:

– А я аборты делала!

У Димы дыхание перехватило от такого признания. Сладкая волна нежности поднялась в его груди, да так и не опускалась до самого расставания.

2. Воспоминания в сновидениях

Этой ночью после знакомства с Яной, то ли от возникающей влюбленности, то ли от света полной луны, Дима долго не мог заснуть. Он перебирал в голове все произошедшие разговоры, менял свои реплики на более остроумные и воображал, как бы на них ответила Яна. «Ну, почему же я сразу так не сказал!?» – упрекал он себя, невольно подтверждая старую мудрость о крепости заднего ума.

Вспомнил он и о Яниных абортах. «А меня это совсем не задело? Почему? Не возмутило? Вообще-то это дело дрянное и плохо ее как бы характеризует, а я всего лишь пожалел ее?»

В этом сумбуре и наплыве чувств хотелось разобраться. Дима стал вспоминать, что курсе, примерно, на третьем института был у него очень трудный роман. Девушка, предмет его страсти по имени Лена Птичкина, была выдающейся красоты и еще более выдающейся гордыни. Парней она в лучшем случае считала за какой-то щепень под ногами, а кто может отличить один камушек от другого? Так что Лена топтала, пинала и разбрасывала эти камушки безжалостно.

Были у нее основания так поступать? Да, считала она, были основания!

Во-первых, она была красивая. Стройная блондинка, слегка осветленная, с милыми голубовато-зелеными глазами. Ротик пухленький, аккуратненький. Лобик не слишком высок, такой мужчинам нравится, женственный лобик. Скулы узкие – европейского образца. Нос тонкий, выдающийся в меру. И главное, все пропорционально. Хорошее лицо. Такое лицо хотелось целовать.

Во-вторых, не такая уж она была и дура! Институт-то у них был нелегкий, а она все же доучилась до конца! Звезд с неба не хватала, тройки в основном, но до пятого курса все же доползла, а уж диплом-то она по-любому защитит. Кто там реально будет чертить-рисовать-считать – неважно, выяснять не будем! Главное, Лена контролировала этот процесс, притом успешно.

В-третьих, таинственные родители ее пребывали бессрочно в какой-то неизвестной загранице. У нее была отдельная квартира в центре, где она, правда, жила с братом.

В-четвертых, характер у нее был веселый и легкий. Она даже нисколько не сомневалась, что была добрым человеком. Впрочем, кто тут разберется, а право на мнение имеет каждый.

Дима сам был парень недурен собой, выше среднего роста, худощав. Лицом смугл, даже слегка красноват, но не до отвращения. Как будто недавно с горы спустился, из турпохода. На типичного русского не очень похож, но и не туземец какой-нибудь. Происходил из семьи внешнего торговца. Папа его регулярно рос по службе, сей факт для знающих людей означал крепкую связь с органами. Какими, спросите, органами? Известно, с какими. Со специальными! С «конторой», проще говоря.

Девчонки институтские Диму отмечали как очень, очень перспективного парня, а некоторые просто на него всерьез обижались из-за его невнимания. Как-то раз, на первом еще курсе, одна провинциальная студентка до того себя взвинтила, что прилюдно закатила Диме пощечину, сопровождая это эмоциональное действие словами: «Да как ты смеешь ко мне приставать!». Дима вообще эту девицу практически не знал, но в возникшей душевной сумятице не нашелся, что ответить, поскольку был еще очень юн и не подозревал о тонких движениях девичьей души.

В отношениях с девушками Дима вел себя инстинктивно, другими словами, как Бог на душу положит. С какими-то из них он сходилась очень весело и легко, едва ли не в первый вечер запускал руку под юбку, и обычно праздновал быстрый и полный успех. С другими он гулял долго, и они в конце концов теряли всякое терпение и просто-таки требовали от него близости при первой возможности. Он, тем не менее, никак не мог себя заставить пойти на эту близость.

Что его останавливало, он и сам понять не мог. Он себя за это заслуженно критиковал порой даже ядовитее и острее, чем невозлюбленные им студентки.

«Ну, чем Зойка плоха, скажи мне? – ехидно и самокритично спрашивал он себя. – Глаза, глянь какие! А губы – так бы и съел все без остатка, не приходя в сознание! Целуется – просто с ума можно сойти! Да все, все у нее в порядке! Сладкая она, сладкая! И хочет ведь! Вчера только сказала, что девственность хочет потерять. Не иначе в девках боится застрять? А я, идиот, что же я делаю? Я что? Не понимаю чего-то? Она уже прямым текстом говорит! Чего же я дожидаюсь?! Так она насмерть обидится!» И правда ведь – обижалась Зойка.

«Или взять Лизу, – вспоминал он свою другую пассию, – ух какая! Прямо художественная гимнастка! Правда, не московского она разлива. Украиночка. Хочет, стало быть, девчушка, за Москву зацепиться после института. Пожалуй, что и в загс загонит через комсомольскую организацию, если что. Циничные у нее ценности, да и принципы тоже, хоть и красавица – нет слов! Да, здесь все правильно, с Лизкой-то как раз осторожность не помешает!»

«Ну а Танька? Отец – генерал-полковник, сама – хоть и разведенка, а хороша! Квартира в центре на Садовой – четыре комнаты на троих в «сталинском» доме! А я как болван себя веду! Чего мне не хватает?»

Словом, не был Дима профессионалом в сердечных делах, как и большинство окружающих его юношей. Не хватало ему цинизма и расчетливости, что тут поделаешь? Поэтому к Лене Птичкиной подступил он как любитель и романтик – то есть стал звонить, предлагал в театр или кино, подходил к ней в институте и звал в кафе, отчаянно звал даже к себе домой, когда родители куда-то вместе отбывали. Только толку от этих призывов долгое время не было.

Наконец Лена включила его, настойчивого, в то, что она про себя называла короткий список контактов. Сколько всего контактов было в этом списке, мы никогда не узнаем, да не особенно и хочется.

Стали они встречаться после института. Димина влюбленность, которая поначалу была микроскопической и возникла, прямо скажем, из соперничества с другими ухажерами, стала нарастать по мере того, как Лена отказывала ему в разных мелочах. Чем больше она отказывала – тем больше ему хотелось, ну, например, взять ее под руку. Или на прощание поцеловать в губы. *Нет, только в щечку!* А ему хотелось непременно в губы. *Нет, только в щечку!* Вот такая мелкая борьба приобретала в его голове какой-то ненужный размах и значение.

Иногда, под давлением внешних обстоятельств, какой-нибудь производственной практики или сессии, встречи прекращались и Димина влюбленность пригасала.

А после возвращения и новых встреч игра возобновлялась. Потому что со стороны Лены это, конечно, была игра. Дима был явно не одинок на этом поле, а Лена, как опытный судья, внимательно и хладнокровно наблюдала за соперниками, грубиянов – наказывала, а зарвавшихся – удаляла с поля! Единственное, что отличало ее от футбольного арбитра – это поощрение. Иных игроков она поощряла. Например, совместной поездкой в Юрмалу. А как, интересно, назвали бы на трибунах судью, который приглашает футболиста в Юрмалу, даже если тот отлично играет и соблюдает все правила?

Увы! Юрмальского счастья Диме так и не досталось. Наверное, не заслужил.

Они встречались уже около года, и Дима совсем уже было разочаровался. За этот год он уже прошел новый роман с упомянутой генеральской дочкой Танькой, уже успел с Танькой рассориться, помириться, вновь рассориться.

И тут пришел Новый год. В компанию надо было прийти с девушкой, именно таков был девиз этой компании. А Диме оказалось не с кем. С Леной к этому моменту он созванивался очень редко, он понял-таки, что у них несовместимая химия, у него – органическая, а у нее – какая-то непонятная, другая. Она пыталась, как ему казалось, держать его на коротком поводке, но и слишком близко не подпускать. Был он на нее не то чтобы зол, но как-то тихо

негодовал он внутри себя по ее поводу, хотя этого не показывал. Хотел он все постепенно спустить на тормозах, без душевных травм и скандалов.

Ощущая некоторое раздражение на себя за то, что вынужден обращаться с такой просьбой, он позвонил Лене и пригласил ее на Новый год. Был удивлен, когда она согласилась. Тут он прямо сказал, пытаясь вынудить ее отказ, что ей придется заплатить за себя вкладчину. Она опять согласилась. «Вот зараза!» – подумал шокированный Дима, но делать было нечего, слово уже вылетело.

Они пришли в эту компанию как супружеская чета, прожившая без любви лет двадцать – то есть как чужие люди. Танька, генеральская дочь, тоже заявила с новым парнем. Дима, встретившись глазами с ее лихорадочным взором, внезапно понял, что она этого малого привела для него. Чтобы его раззадорить. Чтобы его опять зацепить. И что она хочет его прямо здесь и сейчас.

Была глубокая новогодняя ночь. Начались танцы. Лена висла на нем как камень на утопленнике. «Что с ней происходит?» – думал Дима, но дальше этой мысли никак не мог продвигаться, поскольку из головы у него не шел горячий Танькин взгляд. Кое-как отмучившись в паре танцев, Дима вышел на балкон покурить. Лена в это время, сославшись на усталость, а вернее всего испытывая обиду за холодность и невнимание Димы, ушла отдохнуть в темную комнату. Дорога была открыта, и Дима увидел, что на него словно ночная сова – грозная и бесшумная – надвигается Танька.

Они бросились друг другу в объятия, как будто и не было между ними двухмесячной ссоры. Молча и горячо целовались они взад и вперед на ветреном балконе, и Дима чувствовал, как Танька в него вжимается всем телом, то ли стремясь сохранить тепло на морозе, то ли зачем-то еще. Ночь обретала смысл и становилась незабываемой. Дима не стал больше колебаться и, ощущая невероятную силу, повлек Таньку, как купидон, почти не касаясь ногами земли, темным коридором в ванную комнату, где и овладел ею прямо там, стоя.

– Не вынимай! – горячо шепнула на ухо она, как только он попытался освободиться. Дима застыл, ноги его дрожали от возбуждения. Он заметил табуретку, на вид довольно прочную и опустился на нее вместе с Танькой. Затылок его уперся в раковину. «Как в парикмахерской», – успел подумать Дима до того, как был вновь покрыт Танькиной страстью.

– Ты почему не звонил, гад? – нежно спросила Танька, когда настал момент передохнуть.

– А это что за кадр с тобой? Серьезный дядька? Рыжий какой-то.

– Да это все из-за тебя, ты сам во всем виноват!

– А ты-то чего не звонила? – перешел в контратаку Дима.

– Женщина никогда первой не позвонит, дурачок, – забавлялась Танька.

– А если сама виновата?

– В этом случае вообще никогда не позвонит. А ты, я вижу, совсем маленький? Пора бы знать нашу таинственную натуру! – Танька схватила Диму снизу за помидоры. – Вот это мне больше всего нравится!

– Эй! Осторожнее с маникюром! Коготки не выпускай!

Танька рассмеялась хищным шепотом.

Диме не хотелось покидать эту ванную комнату в старом, пропахшим временем доме, что называется «сталинской» постройки. Ему казалось, что он может просидеть так всю жизнь с расположившейся на нем Танькой, время от времени продолжавшей свои конвульсивные движения, но все проходит. Прошло и это желание.

Выскользнув в коридор, Дима чувствовал внутри себя великое умиротворение, тепло и доброту, и только черной молнией его стегала мысль о постылой блондинке, застывшей в ожидании в соседней темной комнате. Он побоялся сразу идти к Лене, поскольку свою умиротворенность и то особое спокойствие, которое бывает после секса, скрыть не смог бы.

Поэтому он пошел на кухню, выпил там с Владиком и новым Танькиным ухажером коньяка. Рыжий оказался веселым парнем, рассказал подряд три анекдота. Посмеялись, потом еще выпили. Диме было приятно смотреть на этого рыжика, отчетливо сознавая, что функция его выполнена и никогда эта компания не услышит уже от него ни одного анекдота. Потом вышли на балкон покурить. И только после этого Дима навел на усталую блондинку в ее комнате.

Нечего и думать, чтобы Димины отношения с Леной после такого празднования наладились. Он и сначала не понимал, как она согласилась с ним пойти, а после Танькиной агрессии и пережитых бурных минут вообще постарался выкинуть ее из памяти.

В наступившем январе пришла пора сдавать государственные последние экзамены, а затем уходить на дипломное проектирование. Предстояло еще и распределение. У Димы произошел в этой связи разговор с отцом:

– Тебя уже распределили? – спросил отец.

– Нет, это будет после госэкзаменов. Где-то в феврале, а окончательное – в мае.

– Что-нибудь уже предложили?

– Да нет, аспирантуру не предлагают, а так предложат на завод какой-нибудь, хорошо, если в Москве.

– Может, от нашей фирмы что-то сделать?

Дима, конечно, помнил разговор с отцом на эту тему пару лет тому назад. Тогда они к единому мнению не пришли. Было еще время подумать, но после разговора Дима стал приглядываться к тому, как работает отец.

Как всякий служащий, он работал с утра до шести вечера, но практически не было и дня, чтобы он пришел рано с работы. Частенько отец приходил домой навеселе, приносил заграничные напитки и сигареты. По праздникам отец приносил какие-то продуктивно-винные наборы, которые явно было невозможно купить в обычном магазине. Когда Дима спросил отца об этих наборах, тот ответил, что это выдают их сотрудникам в протокольном отделе из сувениров, предназначенных фирмам. Как-то это прозвучало туманно, но Дима не стал переспрашивать, просто запомнил этот факт. Водились дома и бесполосые сертификаты, которые отец получал в загранкомандировках.

Теперь пришло время поговорить.

– Вопрос надо серьезно прорабатывать, – начал отец. – Так просто к нам не попадешь. Ты же не в партии, впрочем, какая к черту в институте партия, для этого надо на завод, а там застрянешь. Тебе комсомольцы в случае чего характеристику дадут?

– Дадут, наверное.

– «Наравное» не годится. Надо наверняка! И хорошую. Получишь?

Дима никакой особой общественной работы не вел, не имел к ней стремления, и это было хорошо, так как не было оснований его в чем-либо упрекнуть. Платил взносы, ходил на собрания.

– Получишь? – еще раз спросил отец.

– Надо какую-никакую нагрузку взять. Общественную. Я подумаю, а то нечего в ней будет написать.

На следующей неделе он спросил своего приятеля Витьку Макарова, комсорга факультета, нет ли какой общественной вакансии.

– Тебе зачем? – удивился Витька.

– Характеристику надо, – честно признался Дима.

– Ты мне халтуру сделаешь, а я тебе помогу.

– Какую халтуру?

– Надо одной заочнице курсовую контрольную по химии написать. Бабе моей. Светке.

Ну, для Димы это было простым делом. Ему хватило одного вечера, и работа была сделана. А Витька в ответ предложил стать ему заместителем председателя ДОСААФ. Это как раз была должность для комсомольца.

Была в ДОСААФе одна золотая жила – курсы автолюбителей. Почти все институтские парни имели к четвертому курсу права. Обучение входило в курс на военной кафедре, но была еще масса людей, которым автоправа требовались. Все же происходила массовая автомобилизация. К Диме, которого председатель институтского общества определил на хлопотную должность заведовать направлением на курсы, потянулись граждане, главным образом девушки.

От Димы требовалась всего лишь подпись на стандартной бумажке направления, но как же силен административный ресурс! Почти всемогущий! Дима кожей ощущал его мощь, когда испытывал на себе заискивания, лесть, заигрывания, откровенный флирт, предложения подарков и прочие кошмарные проявления зависимости людей от обладателя права подписи.

Весна! Что ты с нами делаешь! Надуваются бутоны, лопаются почки, и гормоны начинают бурное движение в сосудах. Кончается спячка, начинается жизнь.

Пришла весна и в Димину жизнь. Новыми глазами увидел он Лену Птичкину, которая, следуя примеру подруг, обратилась к нему за подписью. Лена тоже увидела его как будто заново. Быстро простила она ему зимние обиды, как будто их и не было вовсе. Все, что они накопили ранее, в эту последнюю их весну потребовало реализации.

Они встретились в тот же вечер и, не договариваясь ни о чем, повинувшись только своему инстинкту, отправились на квартиру к Диме. На их счастье родители отсутствовали, отъехали накануне в Карловы Вары на воды.

Дима, не раздумывая, бросился в Ленины объятия, а она их ему немедленно открыла. То, что она раньше запрещала, талантливо играя роль недотроги, теперь разрешалось, более того – поощрялось! Они целовались и не могли нацеловаться. Оказалось, что Ленка классно целуется.

Дима без задержки пролез рукой в разрез блузки и мягко прихватил волнующуюся грудь Лены.

– Подожди, я сниму, – шепнула она.

Пока она снимала блузку и бюстгальтер, Дима ловко и быстро опрокинул диван и превратил его в просторную кровать. Простыня и две подушки мгновенно проследовали из платяного шкафа.

– Я в душ, милый, – шепнула Лена и вышла.

Когда она вернулась, запахнутая в цветастый импортный халат, принадлежавший, понятно, Диминой матери, Дима сам отправился в душ.

Когда он вернулся с натянутыми от возбужденных гениталий трусами, он увидел на постели в призрачном лунном свете почти совсем обнаженную Лену, кожа которой светилась, точно облитая жемчугом. Грудь ее призывно напряглась и ждала Диму.

– Какая у тебя потрясающая кожа, – тихо сказал Дима и поцеловал ее прямо между грудей, – это какое-то чудо!

– Говори, говори, – шептала Лена, – говори...

Дима спускался губами ниже: от груди к пупку, Ленин живот при этом волнообразно колебался, а сама она начала постанывать. Прикусив зубами резинку трусиков, Дима потянул ее вниз и затем, неторопливо помогая себе руками, стянул трусики на Ленины бедра. Лена, для облегчения задачи, немного приподняла свою восхитительную попку.

– Какая ты нежная, – прошептал Дима рукой по внутренней поверхности бедра девушки, – я с ума схожу!

– Говори, говори! – стонала Лена.

Дима поцеловал тонкий завиток светлых волос и подумал с уважением: «Да она настоящая блондинка!»

Он порывисто сорвал свои трусы, обнажив член – туго натянутый, как толстый стальной канат. Он, как Диме теперь казалось, жил собственной жизнью, вел себя самостоятельно и тянул Диму туда, где ему хотелось быть больше всего на свете.

Лена лежала, раскинув широко ноги, и одной рукой взяла его за член, а другой тянула его к себе за кудрявый затылок.

– Иди, иди ко мне... – грудь Лены вздымалась. – Ты только в меня не спускай, ладно? А то у меня уже был случай. – вдруг тихо и внятно сказала она.

В голове низко бухнул колокол, а в грудь Димину, наоборот, ударил айсберг! Острый и прозрачный с голубыми прожилками. Примерно такой, от которого погиб «Титаник». Тело его мгновенно окоченело, замерзло и застыло, один только член в дрожащей Лениной руке шевельнулся, увял и выскользнул. Дима тихо сполз на пол и, скрипя замороженными суставами, надел трусы. В голове было тревожно. Ему показалось на минуту, что между ушей у него разместилась проволочная клетка, внутри которой взад-вперед сновали сумасшедшие попугаи. «Что ты дуришь? Трахни, трахни ее немедленно!» – чирикал один. «А зачем она спростила? – визгливо интересовался другой, – может, она какую-нибудь аферу с беременностью придумает, что тогда?» «Как? Разве она не целка?» – притворно скорбел третий. Четвертый сказал убедительным басом, как говорил декан факультета: «Вспомни, что Оля с Кириллом сделала!» Остальные просто галдели, а что – не разберешь.

Эти воспоминания до того разбередили Димину душу, что он полночи не мог заснуть. Когда же это удалось, то его немедленно посетил сон, который он тогда совершенно не понял, и только значительно позднее придумал он этому сну истолкование. Правильно он это сделал или нет, мы не знаем. Впрочем, сон был как сон, не лучше и не хуже других, просто он запомнился.

Снилось ему, что будто бы учился он в девятом классе, и по литературе было у них сочинение. А тема была такая: «Образы писателей в романе Булгакова «Мастер и Маргарита»». И будто бы Дима выбрал себе в герои Ивана Бездомного. Будто бы Дима писал, что Булгаков вначале Ивана очень не любил, что будто бы Иван был для него воплощением тех ужасных ремесленников политико-литературного блуда, которые не только голову заморочили всему русскому народу, но и преследовали самого Булгакова.

Но вскоре, столкнув бедного так называемого поэта с сатаной и увидев жуткие последствия этого, Булгакову стало жаль Ивана. Стал он его жалеть, а потом и любить и понимать. Сделал он его внимательным ухом Мастера, поверенным в его самых сокровенных тайнах.

Выходит, Булгаков поверил, что даже такой литературный мерзавец, проходимец и паразит, каковым без сомнения был Иван Бездомный, может испытать духовное перерождение?

Да, да, может! – утверждал Дима в сочинении, – но только для этого надо встретить настоящего сатану, сойти с ума и пройти через сумасшедший дом, где твою больную душу, возможно, совсем и не вылечат, но она, возможно, очистится.

Дима во сне поражался, разглядывая самого себя, как будто он встретил делегата из параллельного мира.

Он ведь никогда не любил русского языка и литературы. Никакого Булгакова в школьные годы он не знал, да и знать-то не мог. Сочинение же было для него неприятной обязанностью и сводилось всегда к переписыванию каких-то обрывков из учебника. Нашинковав цитаты и нафаршировав ими скользкие и обтекаемые, как фабричные пельмени, формулы, сдавал он эти изделия в положенный срок и забывал совершенно всяких там героев нашего времени с Татьянами и Павками.

Роман, который он так увлеченно разбирал в сочинении, был им прочитан уже в студенческом возрасте, и впечатления на него не произвел. Он случайно нашел у отца сброшюрованную из двух журналов потрепанную книжицу, напоминавшую скорее изделие самиздата. Это в основном и вызвало его интерес. Сам же роман, с его мистикой, ранними христианами, библейскими мотивами, русскими сумасшедшими, сатаной и его присными, какими-то неве-

домыми литераторами его не впечатлил и даже не развлек. Дима твердо стоял обеими ступнями на почве прагматизма и не признавал никакой мистики.

Во сне именно эти факты и вызвали изумление Димы. Как это можно писать сочинение о романе, который ты еще не читал? Но он, тем не менее, писал...

Путру первые его мысли были о Яне. «Неужели зацепила она меня? Неужели зацепила?» – думал он. И чем больше он думал, тем яснее чувствовал, как острые коготки влюбленности проникали в его грудь.

3. Ведьмы

Никого не надо убеждать в том ненаучном факте, что между влюбленными возникает незримая связь. Кто любил – тот знает! И пусть наука утверждает, что телепатии нет, она – существует! Во всяком случае, между влюбленными.

На другом конце этой, возникшей ночью, тайной, колдовской, телепатической и сердечной линии шла своя работа. Дима тоже вызвал у Яны неподдельный и очень практический интерес. Как Феникс возродилась новая надежда, которая ранее если и не умерла совсем, то была весьма основательно зарыта в пепле погибших отношений.

Яниной наперсницей была не лучшая подруга, ее наперсницей была мама. Секретов от мамы не было.

– Ма, я вчера с парнем познакомилась, – сообщила Яна, когда они с мамой присели на кухне после завтрака попить чайку.

– Да? – мама скептически окинула взглядом дочь, – мне что, об этом надо знать?

– Мам, перестань, я серьезно говорю.

– Ну, в прошлый раз тоже было серьезно, а результат?

– Ну и что? Как можно все знать заранее? Да и Вадим, в общем-то, парень неплохой...

– Твой Вадим – негодяй и альфонс! – жестяным голосом прокаркала мать. – Что он мог тебе дать? Ты об этом подумала? Что? Эти стишки да песенки, они что? Они твое материальное положение обеспечат? Ты знаешь, я ночей не сплю, я только о тебе и думаю. Ну нету у Вадима профессии! Кругом-то он болтается, как листик на ветру! Ты пойми, песнями его сыта не будешь! Лирикой семью не прокормишь! А мы с отцом моложе не становимся. – Мама промокнула платочком сухие глаза.

– Ма, ну что ты начинаешь опять? Мы же Вадима уже обсуждали и все решили.

– Да и родни у него нормальной нет! Зачем он нам?

– Извини, мама, ты опять завелась? С Вадимом покончено!

– Не знаю, покончено или нет. Это ты так говоришь. Ни гроша у него за душой нет! А меня волнует твое отношение к выбору знакомств. Кто теперь тебя с новым парнем познакомил? Как его звать?

– Зовут Дмитрием, а познакомился он со мной сам...

– И как это, где?

– На станции обслуживания, – приврала Яна, боясь быть заклеянной за знакомство на улице. – У него такая роскошная машина!

Это сообщение вызвало у мамы раздумья. В беседе возникла пауза.

– Это ничего не значит! Какая машина? «Мерседес»?

– Ой, ну откуда я знаю! Большая такая, черная, внутри бархатная и... деревом в завиточках внутри отделана.

– Наверное «мерседес», – заключила мама.

Наличие «мерседеса» круто меняло угол зрения на ситуацию. В глазах мамы обладание таким автомобилем было твердым показателем финансового здоровья и благополучия.

– Ну и что этот твой Дмитрий, что он? Кто он? Где, наконец, он? – мамин тон оставался нахрапистым, хотя все же едва заметно потеплел.

– Мам, да мы только-только познакомились. Я сразу все узнать не могу. Чувствую только, хороший он человек. Из богатой, наверное, семьи. Высокий.

– Твой Морис тоже был богатый и высокий, – взвилась мама, – а что толку?!

– Мам, не начинай опять!

– Не начинаю! Ты будь практичнее, как тебе в жизни его рост пригодится? Книжки с полки доставать? Для этого лестница есть! Что нам с ним делать? Чтобы все твои подружки на

него прыгали? Как на того Мориса? Черный кобель! Ты выбирай маленького, толстенького и желательно лысого! Чтобы твой только мужик был, тебе принадлежал. Пойми, в этом – правда жизни!

– Ха! Найди такого! Такие все уже разобраны! Другие тоже не дремлют! А потом, папа у нас высокий и худой?!

– Это исключение, бывают в жизни редкие исключения. А папу я вот так держу! – Мама сомкнула указательный и большой пальцы в крепкое, неразъемное кольцо.

– Мам, он мне нравится, я чувствую в нем какую-то надежность, защиту...

Мама посмотрела в сверкающие глаза дочери и подумала: «Все, готово дело! Опять втюрилась!»

– И когда только ты это почувствовать успела? – скептически заметила она. – Как это у вас, молодых, все быстро делается: пять минут поговорят, и порядок, защитничек готов!

Сердце у нее и вправду за дочку болело. Не только из-за нее, возраст и тяжеловатая жизнь офицерской жены сказывались. Но именно Яна была главной причиной переживаний и страданий.

Мама, конечно, не так представляла собственную судьбу, когда радостно выходила за молодого лейтенанта с новеньким ромбом-«поплавком» на парадном кителе. Пришлось ей поездить за мужем и в Среднюю Азию, и на Камчатку, и на родную Украину уже где-то в середине карьеры. В конце концов, пользуясь правами льготника, отслужившего необходимый срок в дальних районах, получил Матвей Трофимович право выбрать место своей предпенсионной службы. Он выбрал Подмоскovie, где и завершил армейскую карьеру начальником штаба довольно большого войскового соединения и вышел на пенсию в звании полковника.

Мама страстно не желала дочери повторения своей судьбы. «Любой, кто угодно, но только не офицер, – горевала она. – Ну, всю же жизнь на чемоданах! Янка пять школ сменила, куда это годится? Вот и друзей у нее из-за этого мало, и характер испортился. Нет, только штатский! Только гражданский! Может, иностранец?» Подталкиваемая такими мыслями, мама настояла, чтобы Яна поступала в институт иностранных языков. «Неважно, что там педагогическое образование дают, девочке это даже хорошо. Главное к зарубежу поближе будет, не пропадет она за границей!»

Характер дочери в юности усложнился. Матери, все как одна, с тоской вспоминают время, когда их детки были маленькими. Смотрела и Янина мама не раз в жесткое, требовательное лицо своей Яны и думала: «Ну, до чего ж ты маленькая была хорошенькая! Что же с тобой делается? Скорей бы уже внуков завести!»

Но с внуками не очень получалось. И виноват здесь был как раз изменившийся до неузнаваемости характер дочери. Куда-то подевались девичье сочувствие и ласковость. Остались требовательность и напор. Доброта уступила место алчности, а искренность – хитрости и категорической расчетливости. Добавьте сюда еще почти мужской ум! Поневоле подивисься, что с нами творят гены и гормоны! Но мама не особенно удивлялась. Она и в себе ощущала подобные качества, да только судьба так сложилась, что проявить их было негде.

«Но ведь детей нам и дает мать-природа, чтобы они добились того, чего мы сами не сдюжили! Правда, дочка?»

На такие мысли дочь ее отвечала действием! Учась на первом курсе, она поставила рекорд факультета, влюбившись за семестр в шестнадцать парней! А может, это был и мировой рекорд, если бы таковые фиксировали в какой-нибудь книге рекордов?

Следующий семестр оказался еще фееричнее: если в первом Яна сначала расставалась с предыдущим ухажером, а затем заводила следующего, то во втором – все десять оставались на местах и ухаживали за девушкой одновременно! При этом Яна проявила чудеса разводки и коммуникабельности, и никто у нее не остался несчастным и обделенным вниманием.

Мама своей родительской душой не могла не ощущать все эти страсти и перемены настроений, которые испытывала Яна, но ничего поделать не могла, даже помочь советом, поскольку дочь в это время от нее закрылась. У Яны вообще развилась страсть к таинственности. Страсть эта захватывала ее все больше и больше. Да и как ей было не развиваться, Яне приходилось же держать на коротком поводке десяток молодых, азартных и ревнивых молодцов. А как справиться, если нет тайны? И немножечко неправды. Совсем чуть, как перца.

4. Гадание

После примерно месяца разных встреч Яна, по совету мамы, пригласила Диму в гости, чтобы их познакомить.

Общими усилиями они установили, что Дима знатный будет жених. Родня у него была в порядке, да и сам он уже успел приспособиться к новой жизни и материально был крепок и независим.

Они так подгадали, чтобы приглашение он принял на двадцать первые лунные сутки, что по всем понятиям должно было усилить то действие, которое они задумали.

Накануне вечером за час до полуночи Яна зажгла в своей комнате красную свечу и поставила ее на подоконник. Налила в тонкий прозрачный стакан воды и, проводя смоченным пальцем по краю стакана, добила слабого гудения. При этом она семикратно и с чувством произнесла: «Димитрий!»

Затем она поставила этот стакан на подоконник рядом со свечей под янтарный луч Луны и стала вслух читать с листочка, который ей вручила мама:

«Господи Боже, благослови, Отче! Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Аминь! Есть на небе три звезды, одну из них зовут Луна. Кто две другие угадает, только тот мой заговор поломает. Пойди ты, желтая Луна, и найди и приведи раба Божьего Димитрия, чтоб он мой порог переступил и на веки вечные всех позабыл: молодых, седых, вдовых, худых, толстых, румяных, духмяных, черных, рыжих и белокурых. Знать бы ему только мое тело бело, чтоб его плоть яро только меня хотела. Всегда, вечно и бесконечно. В понедельник и во вторник, в среду и четверг, в пятницу, субботу и воскресенье. Вся его охота, все его мужское хотение было бы на меня без терпения. Я, Божья раба Яна, ключом закрываю, замком его навеки замыкаю. Кто к моим словам подступится, тот даже крестом не откупится. Ключ, замок, язык. Аминь! Аминь! Аминь!» Яна троекратно перекрестилась, поклонилась в сторону Луны, задула свечу и отправилась спать.

Наутро она взяла с подоконника облученный Луной стакан с водой и отдала его маме. Та извлекла из шкафчика с бакалеей какой-то серый замшевый мешочек, достала из него щепотку бурого порошка и всыпала его в воду. Потом она перелила эту смесь в медную турку и поставила на газ. Через минуту вода вскипела и едва не выпрыгнула пеной из турки. Мама поймала этот момент, убрала турку с огня и сказала:

– Вот это подольешь ему в кофе. Он и не заметит. А результат будет.

Яну при этих манипуляциях буквально всю сотрясало изнутри. Глаза ее пылали, а лицо, наоборот, обрело неподвижность и вид какой-то оливкового цвета твердой маски.

– Хорошо! – сквозь стиснутые зубы процедила она словно чревовещательница.

Знакомство Димы с родителями Яны прошло успешно. Он им искренне понравился, особенно с учетом той информации, которую через своих знакомых особистов дополнительно сумел собрать папа о семье и материальном положении потенциального отца их внуков. Все их порадовало и казалось исключительно надежным и благоприятным. Хорошо стояли звезды, и все способствовало любви. Кажется, что немало помог и волшебный кофе, который Дима от избытка чувств пил неумеренно, поскольку очень не хотел уходить из гостеприимного дома. Подливали ему две ведьмы колдовское свое варево и посылали одновременно свои электромагнитные телепатические волны в его направлении.

Какой-нибудь физик ввернул бы тут к месту, что волне этой электромагнитной самой суждено встретить ту, которая вступит с ней в резонанс. Какое-нибудь умное слово сказанул, типа «интерференция»! Вот Димины волны, а он, того не ведая, тоже их, оказывается, испускал, особенно после пресловутого кофе, и вступили в этот резонанс. Вот и затрясла его интерференция, не успел он вернуться домой. От резонанса мосты, как известно, падают. Не то

что какой-то там Дима. И то, что он воспринял за хорошо ему известное ощущение нарастающей влюбленности, оказалось на самом деле настоящей ведьмовской диверсией против его бессмертной души.

5. Любовь пройдет, циклотимия – никогда

Прошло всего лишь полгода после свадьбы, как стали следовать одно за другим открытия. Главным оказалось то, что Яна была подвержена приступам неподражаемой веселости и обаяния, которые, следуя неведомым природными часам, сменялись периодами мрачной депрессии.

Веселые периоды напоминали жизнь в раю. Жена источала необыкновенную энергию, была чрезвычайно мила и разговорчива, все у нее спорилось и горело в руках. При этом стоило Диме открыть входную дверь, как он физически ощущал сильнейший сексуальный призыв в самом воздухе их квартиры. Яна тащила Дмитрия в постель и днем, и ночью, и даже утром. В такие дни она страстно хотела забеременеть и прилагала все свои немалые силы для этого. Дима слегка пугался такой свирепости. Забеременеть ей только никак не удавалось.

Довольно скоро обнаружилось, однако, что у веселых периодов имелись свои недостатки. Именно в это время Яна стремилась завести новый посторонний роман. Димы ей как будто не хватало. Ее сексуальный призыв, яркий и неодолимый, как солнце, раздавался ровно и мощно по всем направлениям. Диме временами обидно казалось, что он в этих лучах исчезал, не отбрасывая тени. Были ли эти романы и интриги реальными, Дима не знал. Он просто видел обращенные мимо него сияющие глаза жены. Он чувствовал, что меняется ее поведение. У нее вспыхивали неожиданные дела в городе. Происходили звонки и возбужденные телефонные переговоры. Яна, словно испытывая его терпение, никогда не называла звонящего по имени.

– Опять? – спрашивал Дима.

– Что опять? – гневно сверкая глазами, но стараясь говорить равнодушно и не выдать себя голосом, спрашивала Яна.

Дима только горестно вздыхал, но скоро и вздыхать перестал.

Жена только поначалу пыталась как-то скрыть свои новые увлечения, а потом уж особенно не таилась. Видимо, ей просто не хватало ее слабых сил для сохранения тайны, все же это дело утомительное. Она стала делать вид, что не понимает, чем Дима так недоволен. Она признавала, что да, она флиртует, но флиртует совершенно невинно, все женщины, мол, флиртуют, нравится им это.

– Димочка, дорогой, в этом же вся женская суть! Женщина от этого молодеет, лучше выглядит. Это же такая женская черта – флиртовать! Звонят мне просто друзья и коллеги. Ой! Да что сегодня? Да это же Оля звонила! Что, тебя и подколоть нельзя? Ну, и потом, раз мне хорошо, – заключала она не совсем логично, – то и тебе должно быть хорошо, если не лучше. Мы же семья, мы же единое целое! Разве не так?

Фальшивой казалась ему эта искренность. Не убеждала она его, не обманывала. Как можно заставить нормального мужчину поверить в подобную чепуху, не мог он себе представить.

В темное, депрессивное время буквально все у Яны шло наперекосяк. Мыслительные способности жены, до этого вызывавшие Димино восхищение, непостижимым образом сокращались. Ум ее, до этого быстрый и резкий, будто бы сплющивался, как свинцовая пуля о валун, становился плоским и бесполезным, как голодный клоп.

Яна, казалось, в это время плохо понимала, что с ней происходит и что ей надлежит делать. Не желая признавать этот факт публично, она все же внутри себя понимала, что с ней что-то не в порядке. Она постоянно что-то шептала себе под нос, как будто читала себе инструкцию. Со стороны увидишь – ну, чистая креста! Идет извилисто, что-то под нос себе бормочет, глаза косят, улыбается испуганно и затравленно, в уголке рта как приклеенная тлеет сигарета. Нервы ее становились тогда совершенно как голые провода: не тронь – ударит молнией!

Удивительно, но Яна, по непостижимой для мужа логике, тоже его частенько ревновала к каким-то выдуманному, Диме неизвестным женщинам. Оснований для ревности у нее, кроме пресловутой женской интуиции, никаких не было. Дима после женитьбы, вопреки установившейся между его друзьями практике, не мог заставить себя иметь одновременные отношения больше чем с одной женщиной. Друзья-приятели не раз подкалывали его за это свойство, но он ничего не мог с собой поделать.

Дима в бессилии мечтал придумать особую такую технику общения, например, произнести какое-нибудь заклинание, какую-нибудь комбинацию особых, ритуальных слов, молитву, наконец, которую жена выслушает и затихнет. Задумается над этими словами, да и позабудет, зачем ругалась. Но куда там! Любое действие или бездействие, взгляд или отведенные глаза, слово или молчание – все служило поводом для взрыва, и тогда в бедного мужа могли лететь любые незакрепленные предметы, не предназначенные для полета: палки, скалки, сковородки, а один раз полетел даже собственный Димин телескоп, правда, не особенно тяжелый, любительский.

После этого случая Дима долго не мог уснуть, а когда ему наконец это удалось, то приснился ему сгорающий у готического храма на высоком костре Джордано Бруно. Возле огнища, наступив на поверженный и разбитый Димин телескоп, стоял в коричневом балахоне Великий инквизитор Торквемада и, сверяясь по свитку, зачитывал извивающемуся Джордано какой-то текст. Слов было не разобрать, латынь все-таки, но интонация была грозной и непреклонной. Джордано заглянул Великому инквизитору в глаза и увидел, что глаза-то эти Янины! Тут же Дима явственно почувствовал запах горелых волос и проснулся в ужасе. Яна в эту ночь дома не ночевала – после ссоры уехала к подруге.

Жена к врачам обращаться не желала. Даже намеки на это выводили ее из себя. Может быть, из-за того, что она опасалась, что обнаружат у нее какое-нибудь серьезное расстройство.

– Ян, ну, хочешь, я договорюсь в нашей служебной поликлинике. Говорят, у нас там неплохой пси...хотерапевт?

– В вашей служебной? Ха-ха! Ты издеваешься надо мной? Да я же на Грановского обслуживаюсь! Тоже мне, сравнил! – почувствовал Дима острый укол жениного презрения.

Яна предпочитала считать себя совершенно здоровой, а все перепады настроения относил на счет переменчивой погоды. «Ну, зимой и летом я себя прекрасно чувствую!» – восклицала она и отвергала все упреки и просьбы.

Тогда Дмитрий сам ходил к знакомому доктору и рассказал ему все как будто от имени какого-то своего друга. Понял ли врач, что Дмитрий рассказывает о себе – не важно, виду он не подал. Врач этот, хотя и не был психиатром по основной специальности, разъяснил Дмитрию, что, судя по его рассказу, у «жены его друга» может быть маниакально-депрессивный психоз. Посоветовал, чтобы друг показал жену специалисту.

– Одним из симптомов этого состояния, – пояснил далее врач, – является именно страсть к коллекционированию возлюбленных, хотя реальная сексуальность может быть близка к нулю, и вообще жена может быть мужененавистницей и даже лесбиянкой. Вся эта нимфомания возникает в светлые периоды. Ну и правильно, в депрессии она ненавидит и себя и всех окружающих! Не знаю, обрадует ли твоего друга, что с возрастом этих светлых периодов будет все меньше и меньше. Стало быть, и нимфомания пойдет на спад.

В общем, не исключено, – продолжил врач задумчиво, – что у этой твоей знакомой раздвоение личности. Может быть – знаешь такое слово – шизофрения? Шизофрения многолика: одни любят во все черное одеваться, а другие – наоборот, обожают насекомых! А может, это циклотимия? Пусть он ее специалисту покажет.

Дмитрий ошарашенно помолчал, поскольку слово шизофрения знал, а потом спросил, лечится ли это и как.

– Причина болезни, может, гормональная, а может, и наследственная. То ли чего-то в крови не хватает, а может, что-то лишнее туда поступает. Скажем, щитовидка. Одной причины, к сожалению, не установлено. В молодости лечение более результативно, но если время упущено, то с возрастом проблемы только нарастают, – ответил уклончиво врач.

И каждый день ему готовил сюрприз – Яны могло не оказаться вечером дома, и тогда приходили тревожные мысли. Или наоборот, могла быть дома, но в компании с каким-нибудь бородатым охламоном, на которого она неотрывно смотрела горящим взором, готовясь, по всей видимости, посвятить остаток жизни ему.

– Ян, это кто такой? – интересовался Дмитрий, поскольку жена гостя не представила.

– Ванек! – с ухмылкой отвечала жена, – известный художник.

– Живописец?

– Ну, так, разное... Они выставки делают... в парках. Современное искусство.

– Ванек – это что имя такое или фамилия? Он что, у нас жить будет?

– Да нет же! Какой ты несовременный! Они все там Ваньки, так группа называется.

– Гитарная, что ли, группа?

– Ну да! Они и на гитарах тоже... Живопись тоже. Этот и стихи тоже... импровизирует.

– А этого-то как зовут?

– Не знаю! Ему до поезда надо перекантоваться. В Питер ночью отъезжают.

Охламон с добродушной улыбкой слушал эту дискуссию, ничем ей не помогая и не мешая. Лицо у него было отрешенное. Он порядочно уже выпил Диминого вина и теперь покуривал самокруточную сигарку, странный сизый дым от которой резал Диме горло.

Яна гостеприимно предложила Ваньку остаться ночевать, но надо отдать ей должное – в постель она его не тянула, семейное ложе разделить не предлагала. Хотя иногда, правда не в этот раз, в порядке скабрезного юмора предлагала Диме попробовать групповой секс. И, видя гримасу на лице мужа, громко и заливисто смеялась, говоря, что это такая шутка, прикол, и такой, мол, у нее юмор.

Среди ночи подвалили и еще Ваньки, общим числом человек семь, бойкие, возбужденные и пьяненькие.

Ваньки, в ответ на гостеприимство Яны, легкомысленно плюнувшие на возвращение в Питер, принесли водки, Яна достала закуску. После ужина расслабившиеся Ваньки достали пару гитар, один из них схватил две ложки и стал стучать по кожаному стулу, изображая ритм-секцию. Ребята грянули сперва битлов, а потом какую-то свою муру. Яна возбудилась и, надев мини-юбку, вскочила на стол и стала вертеть своим худым задом так, что у компании отвисли челюсти. Дима явственно увидел, как маска безумия вынырнула откуда-то из-под прически и быстро, на несколько мгновений, укрыла ее лицо.

Побежали еще за водкой, едва ее нашли, разбудив соседей. Вечер продолжился до утра. В общем, повеселились.

Позднее Дима случайно обнаружил, что Яна, помимо рок-музыки, поэзии и парковой живописи на асфальте, увлеклась мотоциклетным спортом. Как-то она пришла домой в черной кожаной косухе, кожаных же брюках и грубых ботинках на резиновом ходу. Он не обратил на это особого внимания. «Мода, что ли, побрела в эту сторону?» – подумал он. Однако спустя несколько дней, возвращаясь вечером с работы, он увидел, как жена подъезжает к подъезду на ревушем харлее. При этом она обнимала за талию бородатого водителя.

«Опять борода», – подумал Дима.

– Как тебе аппарат? – весело сказала Яна мужу, соскочив с сидения с ловкостью профессионального жокея. – Познакомься, это – Коля.

– Дмитрий Александрович, – сказал Дима, взмахнув рукой.

– Приятно, – прохрипел закуливший Коля.

– Здорово, правда? – зашебетала Яна – Коля у нас работает в офисе. Подвез меня с работы. Давай мы тоже такой купим, а?

«Интересно знать, заразна ли шизофрения?» – подумал Дима, а вслух спросил: – Тебе не холодно?

Яна неожиданно прильнула к нему:

– Дим, ты не думай, я не такая... Ты такой добрый, Дим...

«Да, именно... я-то добрый, а с тобой-то что?..» – собрался было копать в глубину Дима, но вдруг почувствовал внутри головы вязкий удар, от которого он как будто наполовину уснул. В задурманенном мозгу неожиданно всплыла картина: он увидел, что перед ним расположился длинный ряд Яниных увлечений – мужики, которые все ему кого-то напоминали. Тут были и сумасшедшие Ваньки, и мотоциклисты, и какие-то уличные пьяницы, телевизионные «звезды», ну, словом, всякий сброд. Все они, как черные мешочки на платформе в ожидании эшелона, стояли, вытянувшись в одну живую шеренгу на солнцепеке до самого горизонта. Стояли они расслабленно, переминались с ноги на ногу, курили и неслышно переговаривались. Золотистое знойное марево расползлось с неба и постепенно заливало эту картину, а темные фигуры в мареве истончались и пропадали.

– Ну, ладно, не журись, пошли домой, – сказал Дима жене, когда через минуту сон его отпустил, а картинка в глазах опять стала отображать реальную действительность.

Харлей пустил сизую, пахучую струю газа и рванул восвояси. Долго еще Димину голову будоражил его фирменный рев.

6. Расход

Яна обладала замечательным умом: быстрым, решительным и дерзким. Ни на секунду не мог этот ум остановиться и прекратить размышлять. Как теперь понятно, это относилось к светлому периоду. Частенько она задумывалась и о своем неустроенном, как ей чудилось, материальном положении. Очень быстро она сообразила, что Дима занимает положение в компании, которое позволяет ему «зарабатывать» гораздо больше. Подзуживаемая мамой, она решительно потребовала от мужа более дерзких действий на ниве его бизнеса. Ну и правду сказать, жили они пока на съемной квартире, а кое-кто уже построился на Рублевке. По Москве всюду шуршали джипы, а Дима донашивал свою красавицу-итальянку.

– Вообще, зачем ты этой химией занимаешься, – ядовито спрашивала Яна, – когда все деньги в банках? Иди в банк работать или свой организуй!

– Легко сказать – организуй! – отвечал Дима и видел, что глаз у жены затуманивается и смотрит он куда-то вдаль, где, возможно, и виделся ей образ искомого банка.

– Ну, хотя бы квартиру мы можем свою купить? Или по углам будем ютиться?

– Квартиру, конечно, можно будет подумать, – соглашался Дима, но действий никаких не предпринимал. Дело в том, что они жили в пятикомнатной квартире в отличном районе возле Патриарших прудов, которую помог снять Димин отец у уехавшего на долгий срок дипломата.

Уверившись, что с психическим здоровьем у жены порядок не идеальный, Дима стал пытливей вглядываться в другие черты ее характера. Он с удивлением обнаружил, что зуд приобретательства целиком охватывал Яну, как только у нее заводились свободные деньги. Казалось, они жгли ей карман и руки. Такое стремление немедленно тратить деньги у нее удивительным образом сочеталось с неразумной и даже болезненной скупостью. Алчно горели ее глаза, когда они принимала от мужа зарплату, но еще горячее они пылали, когда она выторговывала на рынке несколько копеек.

Диму, как он сам считал, никак нельзя было назвать жлобом или скрягой, но такое отношение жены к деньгам заставило задуматься, стоило ли так уж посвящать ее в свои финансовые успехи и достижения. Может быть, пришло время стать поскрытнее да попржимистей? Умерить гордыню и не бахвалиться заработком? «Ну, случись что, а я хотя бы останусь с деньгами», – так думал Дима и вскоре перестал делиться с женой подробностями своей работы.

Когда он только начинал работать во внешней торговле, Дима быстро заметил, что бытовая мораль, в которой воспитывались практически все советские дети, совсем не совпадает с той «государственной» моралью, которой всем им внешнеторговцам приходилось пользоваться на службе. Здесь надо было быть корыстным, даже алчным, отстаивать в цене каждый цент, жадно вымучивать преимущества для своей стороны в условиях контракта, забыть вообще о милосердии и любви к ближнему. Полагалось чувствовать моральное удовлетворение от того, что сумел так нагнуть партнера, что он почти разорился на сделке с тобой. Моральным удовлетворением получалось потому, что материальное вознаграждение вообще никак не соответствовало той выгоде, которую получало государство от твоей работы. Чиновничья машина сгребала все под себя и раздавала потом всем по крошке.

Дима, с помощью коллег и отеческих советов, вскоре освоил основы безопасной внешнеторговой работы в советском учреждении.

Во-первых, не было никакой гарантии, что твой ближайший соратник не окажется сотрудником «конторы». И что он не пишет регулярно отчетов о твоей деятельности. Поэтому надо быть предельно корректным и неискренним. Правду о себе должен был знать только ты сам. Остальным – впечатление.

Во-вторых, следовало избегать длительных поездок за границу. Только на несколько дней, иначе замучают проверками. Один старый служака, правда, еврей, советовал ему вообще никуда не ездить, даже в Болгарию.

– Почему? – удивлялся Дмитрий.

– Арестуют же, – спокойно отвечал Лев Маркович.

– Как арестуют?!

– А сколько уже арестовали? Две недели на выставке в Париже и все! Возвращается, а его уже прямо в аэропорту принимают.

Дима прямо расстроился. Не знал, что и думать. То ли Лев Маркович был уже слишком стар, чтобы помнить правду, то ли наоборот – припоминал ее слишком хорошо.

В-третьих, как советовал тот же Лев Маркович, не оказывать никому из торговых партнеров видимого предпочтения. Все цены пропускать только через конъюнктурный отдел.

– А уж потом работай, с кем хочешь, но на прочих равных условиях!

Само собой не допускались лишние разговоры по телефону, особенно с иностранцами, болтовня в ресторанах и гостиничных номерах – известны были примеры тяжелых поражений в правах людей, допустивших такие промахи. Их просто увольняли с работы, а новую с волчьим билетом найти было нельзя, ну, может, где-нибудь разнорабочим на стройке.

Всем хороши были правила, и кабы их соблюдали повсеместно, не было бы крепче организации, чем Минвнешторг.

Неостановимая ржавчина либерализма тем временем проникала во все слои навсегда монолитного, как казалось, советского общества. Все задолбленные с детства догмы размягчались, отбрасывались и отрицались. Все иностранное, разумеется, было лучше местного, родного. В советники стали брать прежних заклятых врагов – американцев. Они же не могут быть плохими! Они не могут обманывать! Они не умеют красть! Как вам такое в голову может прийти? Они живут по библии – *in God they trust* – и знают все десять заповедей, а не какой-то там фальшивый моральный кодекс! В общем, если и хотело общество кому-то молиться, то это – американцам.

Какой-то откровенный идиот, а может, это был хитроумный внутренний враг или коварный сотрудник ЦРУ, вбросил идею выборности руководителей предприятий. Неопытное и наивное общество немедленно всосало эту идею как истинный метод собственной решительной демократизации изнутри, о чем это общество, как выяснилось, вечно мечтало, и одобрило идею восторженно. И началось...

Для ловких людей, не обремененных веригами десяти заповедей и тем более моральным кодексом строителя, настали благие денечки. Проснулись, казалось навечно забытые, инстинкты собственника и приобретателя. В то время как массы были охвачены иллюзиями относительно демократии и предстоящих жизненных прелестей капитализма, сметливые люди, набившие руку на фарцовке и работе с наличными средствами, поняли, что пришло их время. Фарцовщики, спекулянты и бармены хорошо понимали магию наличных. «Если человек у меня взял, он мой!» – такой лозунг мог бы написать на своем штандарте любой новый банкир.

Жизнь в стране разгонялась и раскручивалась. Дима чувствовал на своей шкуре, как законы диалектики берут его в оборот. Особенно тот, который говорит о переходе количества в качество. Дима одним из первых догадался отвести финансовый ручеек от общественной реки в свой карман, но качества жизни это сильно не изменило. «Может, дело как раз в количестве – диалектически задумался Дима. – Может, пришло время расширить и углубить пресловутый ручеек?»

Да, он готов был морально и административно копать и расширять этот ручеек, пока не превратил бы его в полноводную реку, но нужна ему была для этой работы внутренняя уверенность и убежденность, что все не зря, что не пропадет его этот труд и достижения. Теперь, когда он твердо знал причину жениного характера, ценность семейной жизни в его глазах упала. Он

с тревогой замечал, что дела у жены на лад никак не идут. Начал Диме ощущать неуверенность в своих целях. Да и нужна ли была ему теперь своя семья? Вот в чем вопрос!

Дмитрий женился по любви. По настоящей, как ему казалось, любви. И продолжал жену любить. Жалел он ее нестерпимо! Но раны, раны! Сердечные раны кровоточили! Много стало уже этих ран. От рубцов, как известно, сердце ожесточается.

Наконец пришла в его хмурую голову мысль, что Яна специально не хочет ничего менять. Ей нравились эти переходы от серости к яркости, от убийственной скуки к экстравагантным ощущениям. Ей нравилась забота, которой ее окружали в тяжелый сезон, и собственное хамство, с которым она с маниакальной радостью ранила окружающих.

Дима понимал, что он за ней пропал! Умом понимал, а сердце не отпускало. Любовь, жалость, ненависть и злость кипели у него внутри, а побеждала всегда любовь. «Заколдовала она меня, что ли? – суеверно размышлял Дима в редкие минуты успокоения, – живу как привязанный! А может, это дьявол захватил ее душу и мучает ее теперь во чье-то искупление?» – вспоминал Дима какие-то колдовские телепередачи и давний свой булгаковский сон. «А в чье же искупление? Не в мое же? Что мне надо искупить? Чего я такого натворил? Ну, подумаешь, комиссию взял? А кто не берет, кто?»

Стал он незаметно для себя все дольше зависать на работе, все труднее и труднее заставлял он себя приходить домой. Скоро такое трудолюбие отметили и в офисе, за глаза некоторые стали уважительно называть его трудоголиком.

* * *

Одним осенним мрачным вечером поехал Дима с работы прямо домой к родителям. Он позвонил Яне и предупредил, что этой ночью не вернется, а будет с мамой, которая якобы занемогла. Мама и вправду сердцем своим чувствовала, что Дима не в порядке, это ее тревожило, да и возраст уже был большой.

Через неделю Дима уже слушал попреки жены, что он ее не любит и если не вернется срочно домой, то она не знает, что с собою сделает. Через месяц началась наконец зима, выпал снег и приморозило, и звонки Яны неожиданно прекратились. «Опять влюбилась, – сделал вывод Дима. – Вот он – последний выстрел!» Это его устраивало...

7. Сделка

Освободившись от Яниного гнета, Дима стал как будто немного летать. Невысоко, незаметно для окружающих, но отлично заметно ему самому. Дела у него спорились, контракты склеивались и проценты, прошу заметить, которые никто не отменял, продолжали исправно капать на счет в швейцарском простом малоизвестном кантональном банке, заведенный для Димы верным ему контрагентом Питером Хардспуном. Иногда дела, казались, настолько были хороши, что положительные эмоции заливали Димину голову по самую макушку, и становилось трудным делом разглядеть за ними реальную действительность. Но он, кажется, справлялся.

Авторитет в компании у него постепенно вырос, а партия, хотя и присутствовала, но теперь и тени не отбрасывала и в перестройку прежнее влияние совершенно потеряла. Поэтому кадровый вопрос решился легко, без ненужного и назойливого членства в этой пресловутой партии. Стал он заместителем директора фирмы.

Гендиректор объединения, когда объявлял ему о назначении в приватной беседе, тепло отозвался о Димином отце, которого он, оказывается, знал раньше.

– Дмитрий Александрович, мы с вашим батюшкой в Индии познакомились. Очень, очень приятный человек. Вы ему передавайте от меня приветы. Как он сейчас? Чем занимается?

– Совсем недавно на пенсию вышел, но работать продолжает. Создал свою консультационную компанию. Опыт-то у него огромный.

– Да, опыт ничто не заменит! – подчеркнул гендиректор, пыхнув мимо Димы ароматным трубочным табаком. – Я вот об этом и хотел поговорить. Давайте-ка мы поручим вашей фирме одно ответственное задание? Тут весь ваш опыт понадобится. А? Как вы?

Дима невольно оглянулся, словно ища за спиной поддержки своего непосредственного начальника директора фирмы Митрофанова. Генеральный это понял и пояснил:

– Георгий Юрьевич уходит от нас на повышение, так что придется вам брать этот проект целиком на себя. Документы вам все передадут уже сегодня, а я хочу в общих чертах этот проект осветить. Вы, конечно, знаете, что наша страна имеет клиринговую торговлю с некоторыми странами? – Дима кивнул. – Так вот, Минсельхоз получил серьезные деньги по сирийскому клирингу, больше пятидесяти миллионов долларов, но на закупку товаров, которые в Сирии не производят.

– И что же это?

– По нашей номенклатуре проходит препарат АД-три Е.

– Извините, я не в курсе. Что это?

– Это комбинация витаминов для животноводства. Витамины А, Д-три и Е.

– А, понятно!

– Вам приходилось чем-то подобным заниматься?

– По импорту, скажу честно, нет, но на экспорт мы торговали витамином С.

– Хорошо. На эти витамины выделено тридцать миллионов! Имейте в виду, что это клиринг. Сходите к Комарову в финансовое управление, он вам осветит общую ситуацию в этом клиринге, а главное подскажет размер дисконта, который мы сможем принять.

– Понятно! – Колесики калькулятора зажужжали в Диминой голове.

– Сирийскую компанию мы вам подскажем, ваша задача будет найти надежного западного поставщика, желательно производителя, ну или прямого агента производителя. Затем надо будет организовать отгрузку компонентов от производителя в Сирию.

Дима почувствовал, что в его бухту судьба несет груженую золотом каравеллу. Ему уже почти привалило богатство всей его жизни, и ошибиться теперь было нельзя.

Выйдя из кабинета генерального директора, Дима, не ощущая под собою пола, пролетел приемную и примерно таким же макаром преодолел коридор до собственного офиса. Войдя в общую комнату фирмы, ему показалось, что все, что в ней находилось, сильно уменьшилось в размере – и мебель и сотрудники. Сам он внезапно ощутил себя белым великаном в стране пигмеев.

Приземлившись за стол в своем отсеке, отделенном от остальной комнаты стеклянной стенкой, Дима вызвал по очереди оперативника, логистика и инокорреспондентку Люду. Всем этим лилипутам он раздал срочные задания.

Оперативник написал проект обращения к фирмам, а Дима расписал сверху, куда именно надо направить это обращение, не забыв, кстати, и своего предпочтительного агента. Люда телексом отослала эти запросы, и уже через пару дней начали поступать предварительные предложения.

Заместитель начальника финансового управления Комаров, после звонка ему генерального директора, принял Диму приветливо и рассказал много о системе клиринговых расчетов, о чем до этого Дима имел лишь поверхностные знания.

– Процедура будет длинная и нудная, – предупредил Комаров, – но вы не расстраивайтесь. Дело в том, что потребуется много согласований и с сирийской стороной, а там государство работает совсем медленно. Потом, это все-таки Восток. Специфика есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.